

бумагахъ цѣвойнаго генераль-адъютанта Павла Константиновича Александра, послѣ смерти его супруги, рожденной кн. Щербатовой.

Замѣтимъ еще, что въ V-мъ томѣ «Сборника русскаго историческаго общества» (Спб. 1870 г.), напечатаны письма императора Александра I-го и другихъ особъ царственнаго дома, — въ томъ числѣ и в. к. Константина Павловича къ Ф. Ц. Лагарпу. Нѣкоторые изъ этихъ документовъ (стр. 23, 52 — 59 Сборн.) могутъ служить дополненіемъ и разъясненіемъ печатаемыхъ нами записокъ или отчетовъ знаменитаго наставника.

Ред.

ЛИСТОКЪ ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ ГР. П. П. КОКОВНИЦЫНА.

1766 † 1822.

I.

20-го мая 1812 года своеручный приказъ государя императора Александра Павловича въ Вильнѣ.

Его императорское величество, изъ маневра, произведеннаго сего числа, подѣ Вильною, 3-ею пѣхотною дивизіею, усматриваетъ, съ особеннымъ удовольствіемъ, совершенство, до котораго сія дивизія доведена, стараніемъ ея начальника, генераль-лейтенанта Кокковница.

Поставляя его примѣромъ цѣлой арміи, его императорское величество объявляетъ ему свою совершенную признательность, равномѣрно объявляетъ благоволеніе г. бригаднымъ командирамъ: генераль-маіорамъ князю Шаховскому, Тучкову 4-му и полковнику Воейкову; полковымъ шефамъ и прочимъ, какъ штабъ и оберъ-офицерамъ, такъ и нижнимъ чинамъ, и жалуетъ симъ послѣднимъ, въ поощреніе, по 5 рублей на человѣка.

II.

Копія съ моего приказа мая 21 дня 1812 года, № 103.

Препровождаю у сего приказъ г. главнокомандующаго, по арміи отданный, изъявляющій высочайшую милость къ 3-й пѣхотной дивизіи, коей я имѣю честь командовать, обязаннымъ себя нахожу повторить совершенную признательность мою всѣмъ

чинамъ, усердіе и рвеніе воихъ доставило мнѣ столь лестное, не по заслугамъ моимъ, воздаяніе Монарха. Въ особенності же долженъ покорно благодарить гг. полковыхъ начальниковъ за примѣрную заботливость и исправность ихъ по ввѣреннымъ имъ частямъ. Имъ обязанъ я за милость всемилостивѣйшаго государя и лестныя тѣ похвалы, кои мнѣ въ приказѣ семъ отданы, не принимая относящимися собственно къ моему лицу; счастливымъ себя считаю, что могу раздѣлить оныя съ ними, какъ товарищами, воихъ цѣнить и уважать я истинно умѣю.

III.

За дѣло 14-го іюня при Витебскѣ и за всѣ дѣла арьергардныя отъ Вязьмы до Бородина, пожалованъ мнѣ орденъ Александра Невскаго.

За дѣла 5-го, 6-го и 7-го августа въ Смоленскѣ и при ономъ, орденъ Владиміра 2-го класса.

Получилъ званіе его величества генераль-адъютанта въ Вильнѣ, 12-го декабря 1812 года.

Изъ Вильны выѣхалъ въ Петербургъ 27-го декабря, прибылъ 31-го числа. Возвратился въ Плоцкъ 3-го января 1813 г. къ арміи.

4-го сентября 1812 года призванъ принять должность дежурнаго генерала всѣхъ армій. Въ сей должности былъ до 27-го декабря сего же года.

11-го іюня (1812 г.) въ 3 часа на свѣту получено извѣстіе, что французы переправляются у Ковно.

Сего же числа въ 8 часовъ вечера отступили къ Вильнѣ. Шли цѣлую ночь. Тучковъ 4-й остался съ 4-мъ баталіономъ въ Риссонтахъ, а Шаховской — въ Высокомъ дворѣ.

14-го числа государь отбылъ изъ Вильны.

Юня 6-го 1812 г. государь императоръ удостоилъ у меня
обѣдать въ г. Тровахъ.

9-го февраля 1813 г. получилъ орденъ 2-го класса Георгія,
въ Конинѣ, за храбрость во всѣхъ дѣлахъ.

10-го прибылъ въ корпусу гренадеровъ.

13-го повелѣно производить столовые серебромъ.

15-го выпросилъ 4000 руб. Дамасу.

По рекомендаціи моей вышло отличіе полкамъ, бывшимъ у
меня въ дѣлахъ:

Гвардіи { Измайловскому } Георгіевскія знамена.
          { Литовскому }

Гренадерскимъ: Лейбъ
                          Павловскому } Георгіевскія знамена.
                          Арапчаева }

Всей третьей дивизіи, бывшей прежде моей, гренадерскій
походъ и
Черниговскому полку } Георгіевскія знамена.

Сообщ. графиня М. Н. Коковлицына.

РАСКАЗЫ АДМИРАЛА ПАВЛА АНДРЕЕВИЧА КОЛЗАКОВА.

(1779 + 1864).

I.

Взятіе въ плѣтъ маршала Вахдамаха.

18-го августа 1813 г.

Подъ приведеннымъ общимъ названіемъ «Разказовъ» редакція
«Русской Старины» надѣется помѣстить цѣлый рядъ интересныхъ
эпизодовъ изъ боевой жизни недавно скончавшагося (1864 г.) адми-
рала Павла Андреевича Колзакова. Павелъ Андреевичъ любилъ
вспоминать и разказывать о событіяхъ изъ его многолѣтней жизни,
причемъ передавалъ ихъ въ кругу друзей весьма весело, увлека-
тельно и во всѣхъ передаваемыхъ имъ подробностяхъ являлъ свѣт-

люю, отчетливую память. Сынъ покойнаго, генераль Константинъ Павловичъ Колзаковъ тщательно записалъ наиболѣе любопытныя бесѣды своего родителя и съ помощью дневниковъ, веденныхъ Павломъ Андреевичемъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и массы оставшихся послѣ него документовъ, привелъ все записанное имъ въ порядокъ. Весь этотъ матеріалъ, во всѣхъ отношеніяхъ интересный для исторіи минувшихъ четырехъ царствованій, Константинъ Павловичъ Колзаковъ весьма обязательно предложилъ въ распоряженіе редакціи «Русской Старины», которая будетъ помѣщать ихъ, время отъ времени, на страницахъ своего изданія.

Въ настоящей книгѣ мы помѣщаемъ одинъ изъ эпизодовъ въ жизни П. А. Колзакова: взятіе имъ въ плѣнъ маршала Вандамма въ столь славномъ для русскаго воинства бою подъ Кульмомъ. Но прежде нежели привести этотъ рассказъ, изложимъ, въ нѣсколькихъ строкахъ, главнѣйшіе факты служебной карьеры покойнаго адмирала.

Павель Андреевичъ Колзаковъ род. въ Тулѣ въ 1779 г.; воспитывался онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Службу началъ въ 1794 году гардемариномъ, а въ 1795 г. произведенъ въ мичмана. Въ 1797 г. командированъ въ Архангельскъ на строящійся корабль «Азія», на которомъ и былъ при блокадѣ Текселя и потомъ при блокадѣ Мальты, взятіи Неаполя и занятіи Ионическихъ острововъ. Въ 1809 г. Колзаковъ отличился въ Финляндской кампаніи въ сраженіи при Куопіо противъ вдвое сильнѣйшаго непріятеля, будучи командиромъ отдѣльнаго отряда канонирскихъ лодокъ. Въ 1810 г. Павель Андреевичъ былъ назначенъ во вновь сформировавшійся гвардейскій экипажъ ротнымъ командиромъ и вскорѣ взятъ на императорскую яхту. Въ 1811 г. Колзаковъ назначенъ командиромъ яхты его императорскаго высочества цесаревича Константина Павловича, въ чинѣ капитанъ-лейтенанта. Въ началѣ 1812 г. онъ назначенъ адъютантомъ къ цесаревичу и при немъ дѣлалъ всѣ походы и участвовалъ въ разныхъ сраженіяхъ 1812, 1813, 1814 гг., послѣ чего оставался при Константинѣ Павловичѣ до самой его кончины. Въ 1831 г., назначенъ генераль-адъютантомъ къ государю, а вскорѣ затѣмъ и дежурнымъ генераломъ главнаго морскаго штаба, въ чинѣ вице-адмирала. Въ 1843 г. Колзаковъ произведенъ въ адмиралы и скончался въ Петербургѣ въ 1864 г. восьмидесяти пяти лѣтъ отъ роду.

Ред.

Дрезденское сраженіе доказало союзникамъ ту неоспоримую истину, что, когда нѣтъ единства въ начальствѣ, то успѣха ожидать нельзя. Князь Шварценбергъ, начальствовавшій соединенными арміями союзниковъ, находился въ самыхъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Три союзные монарха были при арміи и каждый изъ нихъ имѣлъ своихъ довѣренныхъ лицъ, искавшихъ случая выказаться въ глазахъ своихъ вѣнценосныхъ покровителей — и, такимъ образомъ, парализировали дѣйствія

главнокомандующаго. Соперничество національностей,—различіе идей и личное самолюбіе порождали интриги и непрерывныя столкновенія между ними. Упускалось много времени въ напрасныхъ спорахъ и когда подходила наконецъ рѣшительная минута дѣйствія, оказывалось, что прежде задуманный планъ уже не годился нигуда вслѣдствіе новыхъ возникшихъ случайностей.

Тоже самое случилось и передъ Дрезденскимъ сраженіемъ. Союзники могли бы занять этотъ городъ почти безъ выстрѣла, имѣвъ сосредоточенную 200,000-ную армію въ окрестностяхъ Дрездена, тогда какъ въ самомъ городѣ стоялъ только одинъ немногочисленный корпусъ Сень-Сира едва въ 14,000 человекъ; но пока у союзниковъ велись переговоры, Наполеонъ уже успѣлъ вступить въ столицу со 100,000-ю арміею на подрѣшленіе осажденнаго гарнизона, и сраженіе не могло уже имѣть того успѣха.—Хотя дрезденское дѣло и нельзя считать пораженіемъ, какъ о томъ гласили тогда всѣ французскіе бюллетени, оно было только неудачною аттакою, но со всѣмъ тѣмъ оно имѣло совершенно видъ пораженія потому, что войска союзниковъ должны были отступить, и отступление это въ бурную осеннюю ночь, со множествомъ раненыхъ, по размокшимъ отъ дождя дорогамъ и въ ужасномъ безпорядкѣ, производило весьма печальное дѣйствіе. Уныніе распространилось въ войскѣ; утрачено было довѣріе въ начальствующимъ лицамъ, всѣ чувствовали какое-то ожесточеніе, соперничество національностей заговорило громче, русскіе бранили нѣмцевъ, взваливали на нихъ всю вину, однимъ словомъ, упадокъ духа и безпорядокъ дошли до-нельзя. Положеніе было весьма критическое. Императоръ Александръ понялъ, что надо было рѣшиться на что-нибудь отважное, смѣлое, дабы поднять духъ войска, однимъ словомъ, расплатиться долгомъ съ непріателемъ, взять реванжъ, какъ говорятъ французы (*une éclatante revanche*) и съ этою цѣлью принялъ онъ на себя званіе главнокомандующаго всѣми союзными арміями и сталъ дѣйствовать самостоятельно.

Войскамъ приказано было отступить на югъ, дабы преградить французамъ путь въ Богемію, куда стремился Наполеонъ.

Тремя колоннами шла наша армія на югъ, перешла горы, и послѣ славнаго дѣла при Цегиста 15 и 16 авг., въ которомъ удалось графу Остерману пробиться сквозь корпусъ генерала Ван-

дямма и стать на Теплицеую дорогу, армія наша была въ свою очередь атакована французами въ превосходномъ числѣ, 17-го августа, близъ мѣстечка Кульма, гдѣ и произошло столь славное въ нашихъ лѣтописяхъ Кульмское сраженіе, продолжавшееся полтора дня и увѣнчавшее вполне славу нашего оружія,—говорю нашего, потому что русское войско болѣе всѣхъ другихъ приняло въ немъ участіе.

Не стану рассказывать весь ходъ сраженія, изложеннаго въ подробности въ нѣсколькихъ сочиненіяхъ, но припомню только одинъ эпизодъ, которому былъ я очевидцемъ и въ которомъ на мою долю выпало принять непосредственное участіе.

Ночь съ 17-го на 18-е августа прекратила упорное, но еще не рѣшенное сраженіе, въ которомъ приобрѣлъ себѣ вѣчную славу графъ Остерманъ, запечатлѣвъ ее потерю руки *); — войска наши стали готовиться къ новому бою и ранняя заря 18-го августа застала ихъ въ боевомъ порядкѣ по обѣимъ сторонамъ большой дороги; лѣвый флангъ упирался въ горы и состоялъ вмѣстѣ съ центромъ изъ русскихъ войскъ, а австрійцы стояли на правомъ крылѣ близъ деревни Карвиць. Въ резервѣ стоялъ отрядъ подъ командою великаго князя Константина Павловича, при которомъ и я находился въ качествѣ адъютанта.

Императоръ Александръ, выѣхавъ рано по утру вмѣстѣ съ королемъ прусскимъ, въ сопровожденіи многочисленнаго и блестящаго штаба, отправился на высокую гору Шлосбергъ, съ вершины которой открылась вся панорама Кульмской долины и окрестностей. Живописныя развалины древняго замка рисовались на вершинѣ горы. Утро было прекрасное и поднявшійся туманъ, какъ занавѣсъ въ театрѣ, раскрылъ величественную панораму окрестностей съ ихъ лѣсистыми холмами, оврагами, ручьями, разбросанными деревнями—и цѣпью высочайшихъ горъ, терявшихся въ дальней синевѣ. Посреди этой прекрасной декораціи, свѣтлою ленточкой извивалась дорога, ведущая изъ Кульма къ Теплицу, и по обѣимъ сторонамъ ея рисовались темными пятнами на блѣднозеленѣющемъ фонѣ двѣ арміи, стоящія другъ противъ друга въ недалекомъ разстояніи, ожидающія одного мановенія руки, одного знака, чтобы ринуться въ бой ожесточенный и кровавый. Зрѣлище было ис-

*) 18-го числа начальствовалъ уже Барклай-де-Толли.

тинно величественное, и минута торжественная. Послѣдовавъ вмѣстѣ съ великимъ княземъ за свитою Государя, я былъ свидѣтелемъ этой минуты и никогда не изгладится она изъ памяти моей. Глядя на эту очаровательную природу, облитую золотистыми лучами восходящаго солнца—сколько различныхъ мыслей приходило мнѣ въ голову. Казалось, здѣсь-то рай долженъ быть земной. Красиво разбросанные въ долинѣ домики въ садахъ такъ уютно выглядывали изъ-за зелени. На нѣкоторыхъ поляхъ еще жатва не была убрана—все дышало свѣжестью, миромъ и жизнью—но бросивъ взглядъ на усѣянные въ полѣ войска, сердце кровью обливалось и билось, чувствуя приближеніе роковой минуты!!... и сколько тысячъ сердець дрожало въ ожиданіи ея! Но сигналъ уже поданъ — было около 6 часовъ утра, забѣлѣли вдругъ по холмамъ бѣлые клубы дыма, и спустя нѣсколько секундъ послышался гулъ все чаще и чаще повторяемый раскатами эхо въ горахъ—и началась битва. Крестьясь поскакали всѣ по своимъ мѣстамъ;—адъютанты и ординарцы разсѣялись съ приказаніями по полю и бой завиглѣлъ по всей линіи. Отдаленные крики «ура», стоны раненыхъ, командныя слова, топотъ конницы, стукъ оружія, наконецъ грохотъ ружейной и пушечной пальбы — все слилось въ одинъ общій беспорядочный и неумолкаемый гулъ. Облака дыма затмѣвали воздухъ и наполняли его пороховымъ запахомъ. Съ ожесточеніемъ бросались поля на поля, спибалась конница, налетая тучею другъ на друга, и поле покрылось трупамъ людей и лошадей. Вскорѣ тронулись и резервы наши, и храбрые воины, забывъ усталость почти трехдневнаго боя, бросались въ огонь съ новымъ энтузіазмомъ и отвагою при крикахъ «ура!» Гвардія наша дѣлала чудеса храбрости. Все смѣшалось въ рукопашный бой. Только въ 11-мъ часу показались въ тылу французовъ войска подъ командою Клейста, которыхъ Вандаммъ съ начала принялъ за ожидаемое подкрѣпленіе. Смятеніе сдѣлалось въ ихъ рядахъ всеобщее. Видя себя окруженными, французы думали только о личномъ спасеніи и стали пробиваться сквозь непріятели и до того смѣшались съ нимъ, въ тѣсныхъ дефилеяхъ горъ, что и тѣ и другіе, полагая себя побѣжденными, бросали оружіе и сдавались другъ другу. Сраженіе приняло видъ самый беспорядочный, солдаты карабкались по утесамъ, обрывались, скатывались съ нихъ, и разбрелись до того

по окрестнымъ горамъ, что даже начальники пришли въ недоумѣніе; самъ генералъ Клейстъ, видя со всѣхъ сторонъ непріятелей, полагалъ уже себя въ плѣну—и бросился въ лѣсъ искать спасенія, пока не встрѣтился случайно съ генераломъ Дибичемъ, которому первому пришлось его вывести изъ заблужденія и поздравить съ побѣдою.

Почти въ это самое время будучи посланъ уже въ четвертый разъ съ различными порученіями, возвращался я, пробираясь съ трудомъ по заваленнымъ дорогамъ въ дефилеяхъ.

Измученный конь мой, весь въ пѣнѣ, едва могъ передвигать ноги и спотыкался на всякомъ шагу; нѣсколько разъ рисковалъ я быть сброшеннымъ и потому, сойдя съ него, пошелъ пѣшкомъ, держа лошадь подъ узцы и пробирался по довольно крутой тропинкѣ. Чѣмъ ближе я подходилъ къ открытому полю, тѣмъ чаще попадались мнѣ тѣла убитыхъ и раненыхъ. Ужасно было глядѣть на этихъ несчастныхъ; стоны раненыхъ въ особенности раздирали мнѣ душу. Многіе изъ нихъ умоляли о помощи, просили воды, кричали, ругались; но крикъ ихъ и ругательства заглушались въ массѣ другихъ криковъ и въ шумѣ битвы, которая все еще не умолкала, но перенеслась уже за мѣстечко. Казаки и ординарцы скакали по полю по разнымъ направленіямъ. Легко раненые солдаты помогали переносить на носилкахъ тяжело раненыхъ. Все это двигалось, кричало, бранилось, шумѣло. Проскакали двое всадниковъ, крича: «побѣда! побѣда!» Нѣсколько солдатъ крестились, другіе прокричали «ура!» Слышу крики позади себя и топотъ лошадей. Оглядываюсь и вижу—выскакиваетъ изъ-за опушки лѣса толпа всадниковъ; вблизи раздаются нѣсколько выстрѣловъ, вглядываюсь и различаю французскіе мундиры. Я поспѣшно сѣлъ на лошадь и вынувъ неволью саблю изъ ноженъ, сталъ шпорить коня своего, дабы отстраниться отъ нападающихъ; но тщетно усиливался я понукать измученное животное. Лошадь уперлась и не трогалась съ мѣста. Толпа подскакиваетъ ближе, я вижу, что за ними скачутъ казаки въ догоню. Впереди всѣхъ неслась на тяжеломъ боевомъ конѣ тучная фигура французскаго генерала, въ разстегнутомъ на распашку мундирѣ; нѣсколько офицеровъ слѣдовали за нимъ. Два казака, бывшіе у меня въ тылу, случайно бросились ему на встрѣчу съ опущенными пиками. Слышу, хрипый голосъ кричитъ мнѣ: «gé-

négai gusse, sauvez moi!) Конь мой, завидя скачущихъ, инстинктивно пустился вслѣдъ за казаками. Я закричалъ: «стой, казаки, стой! не коли!» и едва успѣлъ спарировать ударъ пика, какъ уже французы были окружены со всѣхъ сторонъ и сдались намъ въ плѣнъ.

Французскій генераль остановился и сталъ слѣзать съ лошади. Толстое лицо его было красно отъ волненія, потъ градомъ лилъ, вмѣстѣ съ грязью, по щекамъ его. Мундиръ на немъ былъ весь въ пыли. Вздохнувъ нѣсколько разъ тяжело, онъ обратился ко мнѣ и, принимая меня все еще за генерала, вѣроятно по моей флотской шляпѣ, — съ театральнымъ жестомъ подаль мнѣ свою шпагу, сказавъ: «*Je vous rends, général, mon épee qui m'a servi pendant de longues années pour la gloire de mon pays*». Но я отказался принять его шпагу, сказавъ, что онъ лично отдастъ ее государю нашему, къ которому его отведутъ, и спросивъ его фамилію, узналъ, что это былъ самъ главнокомандующій Вандаммъ. Онъ казался пьянъ, потому что насилу держался на ногахъ и просилъ нѣсколько минутъ отдохновенія, не будучи въ состояніи продолжать путь. Нѣсколько офицеровъ, взятыхъ вмѣстѣ съ нимъ въ плѣнъ, сошли съ лошадей и окружили его. Онъ сталъ всѣмъ имъ пожимать руки, приговаривая: «*Mes braves amis! on n'est pas toujours heureux*», и освѣдомился потомъ съ участіемъ о двухъ другихъ, вѣроятно раненыхъ и упавшихъ на дорогѣ. Я успокоилъ его, сказавъ, что они будутъ прибраны и отведены тотчасъ на перевязочный пунктъ. Завидѣвъ издали взводъ конногвардейцевъ, скачущихъ по полю, я послалъ казака къ нимъ на встрѣчу, съ приказаніемъ имъ приблизиться и конвоировать плѣнныхъ. Подскакали конногвардейцы, подъ командою ротмистра Сталя *). Я передалъ ему Вандамма со свитою, велѣвъ вести его къ государю, а самъ, пересѣвъ на казацкую лошадь, помчался впередъ, дабы извѣстить его величество о взятіи въ плѣнъ французскаго главнокомандующаго. Разстояніе было довольно велико—и прошло нѣкоторое время, пока мнѣ наконецъ указали новое мѣсто нахождения императора Александра Павловича. Увидавъ его издали на вершинѣ горы, стоявшаго во главѣ своей свиты, я подска-

*) Впослѣдствіи комендантъ въ Москвѣ.

калъ прямо къ нему и громкимъ голосомъ возвѣстилъ о взятіи въ плѣнъ главнокомандующаго непріятельской арміи Вандамма. Стоявшій возлѣ государя нашего императоръ австрійскій, снявъ шляпу, закричалъ: «Vivat!» и вслѣдъ затѣмъ подѣхалъ ко мнѣ великій князь Константинъ Павловичъ и, спросивъ: «гдѣ Вандаммъ?», приказалъ мнѣ ѣхать съ нимъ на встрѣчу. «Шпоры, сударь, шпоры», кричалъ мнѣ великій князь, понуждая меня нетерпѣливо къ скорѣйшей ѣздѣ. Болѣе получаса времени скакали мы по доламъ и холмамъ, отыскивая дорогу, съ которой въ-торопяхъ я совершенно сбился. Нетерпѣніе великаго князя доходило до-нелзя. «Болзаковъ, хочешь ли ты мнѣ дать Вандамма?» повторялъ онъ непрестанно съ возрастающимъ гнѣвомъ. «Вы шутите что ли надо мною?» Но напрасно спрашивалъ я у проходящихъ, не видали ли они плѣннаго французскаго генерала, — никто не отвѣчалъ мнѣ удовлетворительно: наконецъ, выѣхавъ на какое-то возвышеніе, замѣтили мы издали шагомъ ѣдущій конвой и понеслись къ нему на встрѣчу. Вандаммъ, отдавая свою шпагу великому князю, принялъ его, вѣроятно, за государя, причемъ сказалъ ему «Sire» и повторилъ прежнюю фразу. Великій князь назвалъ его и не принялъ шпаги, сказавъ, что онъ ее лично передастъ императору Александру. Когда подѣхали мы съ плѣнными къ царю, Вандамма стащили съ лошади, съ которой онъ съ трудомъ слѣзалъ. Тяжело вздохнувъ, маршалъ бросился сначала къ своему коню, и обнявъ его шею, сталъ цѣловать его; потомъ медленно переступая, подошелъ къ государю, стоявшему впереди всѣхъ, и съ тѣмъ же театральнымъ движеніемъ повторилъ въ третій разъ свою фразу. Государь отвѣтилъ ему: «général, j'en suis bien fâché, mais c'est le sort de la guerre!» Затѣмъ вликнулъ кн. Волконскаго и отдалъ ему шпагу Вандамма, а плѣнныхъ приказалъ отвести. Sire, un mot encore», сказалъ Вандаммъ, «je prie votre majesté comme grâce de ne pas me rendre aux mains des Autrichiens». Государь съ улыбкою переглянулся съ императоромъ австрійскимъ и согласился на просьбу Вандамма, приказавъ князю Волконскому имѣть о немъ должное попеченіе.

Такъ кончилось достопамятное Бульмское сраженіе, трофеями котораго было 12,000 плѣнныхъ, множество пушекъ, знаменъ и

вдобавокъ самъ главнокомандующій. Дѣло превратилось около часу по полудни.

Вандамму повезли въ Теплицу, но повозка его вѣзжала въ городъ въ самое то время, когда проходили полки союзныхъ армій и должна была у самой заставы остановиться. Бѣшенство Вандаммы было ужасное; онъ думалъ, что его выставили на показъ, въ особенности австрійскихъ полковъ, которые, указывая на него пальцами, громко смѣялись и подтрунивали надъ нимъ. Въ это время императору Францу случилось проѣзжать мимо съ своимъ штабомъ. Высунувшись изъ вибитки, Вандаммъ обратился въ нему почти съ угрозою: *«Sire, c'est ainsi que vous traitez un général au service de l'empereur Napoléon, votre proche parent? Je lui ferai connaître vos procédés, prenez garde qu'il ne s'en venge»*. Императоръ австрійскій потеръ себѣ руки и проскакалъ мимо, приговаривая: *«Ce n'est pas ma faute»*.

Вандамму отвезли сначала въ Прагу, гдѣ жители, ненавидѣвшіе его за прежнія жестокости и страшныя контрибуціи во время занятія французами нѣмецкихъ городовъ, приняли маршала весьма враждебно. Народъ сталъ бросать въ него камни, чернь кидалась на повозку, такъ что казацкій конвой насилу могъ его защитить. При этомъ восемь казаковъ было ранено камнями. Впослѣдствіи Вандамму отвезли въ Россію, гдѣ онъ и пробылъ въ Вяткѣ до самаго окончанія войны.

Сообщ. Е. П. Колчаковъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. А. ТИТОВА.

I.

Малолѣтнее отдѣленіе I-го кадетскаго корпуса

въ 1808 г.

.....Въ началѣ 1808 года отданы были мы съ братомъ Петромъ въ 1-й кадетскій корпусъ. Предварительно были мы представлены на смотръ къ цесаревичу в. к. Константину Павловичу, жившему въ Мраморномъ дворцѣ.

Когда привезли насъ въ корпусъ, насъ отвели въ лазаретъ, гдѣ насъ раздѣли, осмотрѣли наше тѣлосложеніе, а потомъ

привили оспу. Поступили мы въ 5-ю камеру малолѣтнаго отдѣленія, которою завѣдывала мадамъ Альбедиль *), женщина пожилыхъ лѣтъ, высокаго роста, худая, черноволосая, косая и къ довершенію пресердитая. При камерѣ были двѣ няньки, первая половина малолѣтныхъ принадлежала Ивановнѣ, вторая же — Азулинѣ; у этой послѣдней находились и мы. Трудно было сначала привыкать къ казенной пищѣ и казенному бѣлью. По утрамъ вмѣсто чая намъ давали овсяный супъ и полубѣлую булку. За обѣдомъ кормили насъ плохо: дадутъ тарелку супу, кусокъ жествой говядины и пирогъ съ кашей, или со пшеномъ, или говядиной. По праздникамъ давали пирожное — хворосты. Послѣ классовъ во время рекреаций, мы играли въ большой залѣ, гдѣ въ 4 часа становили насъ по камерамъ и вмѣсто вечерняго чая давали по полубѣлой булѣ и по стакану воды; ужинъ состоялъ изъ тарелки супа и гречневой каши съ масломъ. Мы носили на головѣ шапки-венгерки съ кисточкою изъ разноцвѣтныхъ суконъ. Сколько разъ бывало за ужиномъ, когда давали кашу, выложишь ее въ венгерку и унесешь съ собою въ камеру, спрячешь подъ подушку и поутру лакомишься этою кашею, вынимая ее пригоршней. Иной разъ за ужиномъ давали намъ пряженцы. Это просто былъ ломоть бѣлаго хлѣба, обжареннаго въ маслѣ.

По вечерамъ и по утрамъ Азулина поила насъ чаемъ, который прислала ей матушка, и конечно при этомъ дарила ее деньгами, потому что Азулина насъ особенно отличала. Я былъ мальчишъ бойкій, смысленный, но шалунъ. Поступилъ я прямо въ 3-й классъ, и — дебютировалъ тѣмъ, что когда учитель Житковъ подошедши ко мнѣ спросилъ: «какъ твоя фамилія?» это фамиліярное слово тебя такъ меня озадачило, что и я его спросилъ: «а тебя какъ зовутъ?» Не помню только какъ, но я былъ за это наказанъ. Въ первый же годъ пребыванія моего въ корпусѣ, выдержавъ отлично экзаменъ, я получилъ въ подарокъ книгу; при переходѣ во 2-й классъ, я получилъ двѣ

*) Начальницы камеръ были: первой — госпожа Бертольдъ, она же и инспектриса; второй — Алабова; третьей дѣв. Эйлеръ, уже пожилая и сѣдая; четвертой — г-жа Воронцова; пятой — г-жа Альбедиль и шестой — г-жа Бониотъ; эта послѣдняя была всѣхъ добрѣе. Одна изъ дочерей ея была красавица.

книги, при переходѣ же въ первый классъ — три. Подарки эти раздавались торжественно.

Всѣ малолѣтныя шести камеръ приводились въ рекреационный залъ, гдѣ былъ поставленъ большой столъ покрытый краснымъ сукномъ, обложеннымъ золотымъ галуномъ, и на углахъ этого покрывала висѣли золотыя кисти. На столѣ были разложены подарки, состоявшіе изъ книгъ, бумаги и карандашей; книги были связаны по три, по двѣ, пунцовыми лентами. Раздавалъ ихъ директоръ корпуса, генераль-лейтенантъ Клингеръ; инспекторъ же классовъ, полковникъ Перскій, вызывалъ удостоенныхъ къ подаркамъ. Въ этотъ день и обѣдъ былъ праздничный, то-есть съ пирожнымъ. Генераль Клингеръ былъ роста высокаго, сѣдой, съ нависшими, густыми бѣлыми бровями; лицо его было безцвѣтное, взглядъ суровый, угрюмый, и вообще вся личность его вселяла страхъ. Никогда не говорилъ онъ ни съ кѣмъ изъ кадетъ; когда посѣщалъ онъ малолѣтное отдѣленіе, то молча обходилъ классы*). Инспекторъ же классовъ, полковникъ Михаилъ Степановичъ Перскій, былъ напротивъ чрезвычайно ласковъ, внимателенъ къ воспитанникамъ, говорилъ съ ними; однимъ словомъ, какъ директора не жаловали вообще въ корпусѣ, такъ любили всѣ инспектора. Личность и вся фигура генерала Клингера напоминала прусскаго короля Фридриха Второго. Михаилъ Степановичъ Перскій былъ флигель-адъютантомъ и носилъ финляндскій мундиръ, шляпу же носилъ всегда по формѣ.

Кадеты малолѣтнаго отдѣленія носили темнозеленыя длиннополые скртузи съ краснымъ воротникомъ, брюки такого же цвѣта, галстуковъ не было, и воротникъ отъ рубашки откладывался по воротнику; обувь—бѣлыя чулки и башмаки. При отпускѣ со двора давался черный поярковый картузь съ длиннымъ прямымъ поярковымъ же козырькомъ, отороченнымъ черною тесьмою. Когда въ зимнее время отпускали воспитанниковъ со двора, родители обязаны были присылать на нихъ теплую одежду. Церковь въ корпусѣ была общая, какъ для ротныхъ, такъ и для малолѣтнихъ. Придетъ, бывало, въ воскресенье дежурный по корпусу капитанъ и поведутъ насъ въ нее. Намъ всегда

*) Клингеръ говаривалъ: «русскихъ надо менѣе учить, а болѣе бить».

предстояло проходить по галереямъ мимо покоя, гдѣ ставили покойниковъ и мы обыкновенно заглядывали въ окно, не увидимъ ли умершаго; случалось, что любопытство наше было удовлетворено. Лазаретъ малолѣтнихъ былъ особый отъ ротныхъ. Смотрительница лазарета была г-жа Стадлеръ, женщина пожилыхъ лѣтъ и высокаго роста, дородная, ходила въ очкахъ. Въ лазаретѣ кормили хорошо.

По субботамъ приѣзжалъ въ 12 часовъ дантистъ, насъ приводили въ залъ, гдѣ онъ осматривалъ наши зубы; у кого оказывался испорченный зубъ, того ставилъ онъ въ сторону и, по окончаніи осмотра, производилась операція. Подобный случай былъ и со мною, и когда я испыталъ на себѣ, что операція эта крайне мучительна, тогда въ другой разъ, когда я былъ оставленъ въ сторонѣ, я пролѣзъ подъ столъ и убѣжалъ, и тѣмъ спасся отъ единожды уже испытанной операціи.

Каждый годъ на страстной недѣлѣ малолѣтнее отдѣленіе говѣло и, бывало, въ среду придетъ отецъ Стахій и исповѣдуетъ насъ всѣхъ за разъ; оказывалось, что мы были грѣшны по всѣмъ заповѣдямъ.

Мадамъ Альбедиль приходила иной разъ къ обѣду, помимо дня своего дежурства, что было намъ, кадетамъ 1-го класса, крайне неприятно, потому, что она возвѣщала во всеуслышаніе: «*messieurs, la première classe viendra chez moi*». Это значило, что кадеты 1-го класса тотчасъ послѣ обѣда должны были придти къ ней и, вмѣсто рекреаціи, обязаны были въ продолженіи часа выучить урокъ изъ *Vocabulaire en trois langues*. Невыучившій въ промежутокъ этого времени урока, подвергался вечеромъ наказанію, т.-е. розгамъ. Нянька Ивановна сѣла больно. Тычки, пиньки, оплеухи, дранье за волосы и за уши, битье линейкою по пальцамъ — все это было дѣло обыкновенное.

Лѣтомъ выводили насъ гулять въ садъ, а по воскресеньямъ и другимъ праздникамъ насъ пускали, конечно подъ присмотромъ дежурной дамы и нянекъ, въ большой садъ, гдѣ мы сходились съ ротными кадетами и такимъ образомъ съ ними знакомились. Въ большомъ саду всѣ стѣны были исписаны сентенціями знаменитаго графа Ангальта, бывшаго нѣкогда директоромъ 1-го кадетскаго корпуса. Сентенціи эти напечатаны были особою книгою, небольшого формата, подъ названіемъ: *La mu-*

gaïlle parlante. Въ числѣ книгъ полученныхъ мною на экзаменахъ, я получилъ и эту книгу. По случаю смерти старшаго брата моего, который воспитывался въ пажескомъ корпусѣ, гдѣ и умеръ въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1810 года, мать моя пожелала взять насъ изъ корпуса, изъ коего, по просьбѣ ея, были мы уволены въ началѣ 1811 года.

Въ числѣ офицеровъ 1-го кадетскаго корпуса, находился капитанъ Карлъ Карловичъ Мердеръ. Шефомъ корпуса былъ цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

Въ 1846 году навѣстилъ я племянника моего, воспитывавшагося въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ. Сколько перемѣнъ нашелъ я тамъ, конечно къ лучшему. Малолѣтний корпусъ уже не существовалъ; онъ былъ переведенъ въ Царское Село. Эти холодныя галлерей, по которымъ ходили и бѣгали мы зимою и осенью въ классы и внизъ по лѣстницѣ въ столовую, обращены были въ теплыя и свѣтлыя корридоры; рекреационный залъ и столовая обратились въ великолѣпныя залы...

II.

Баль у графа Аракчеева въ 1820 году.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1820 года, у графа Аракчеева былъ маскарадъ и баль, устроенный въ честь двоюродной сестры моей, В. А. Клейнмихель, въ которой графъ былъ особенно расположенъ. Какъ родственники В. А., сестра моя А., братъ мой А. и я принимали участіе въ этомъ маскарадѣ. Хотя я былъ португей-юнкеромъ, но былъ костюмированъ тирольцемъ, и будучи въ маскѣ, обходился весьма фамиллярно съ графомъ, такъ, что онъ сказалъ своимъ гнусливымъ голосомъ: «видно знакомая маска». Маскарадъ продолжался недолго, вслѣдъ за нимъ начался баль; дамы оставались въ костюмахъ, а кавалеры должны были переодѣться въ мундиры. Я также долженъ былъ явиться на баль, а потому отправились мы съ братомъ на квартиру къ П. А. Клейнмихелю, который жилъ напротивъ, гдѣ переодѣвшись явились на баль. Какъ шалунъ и проказникъ, и здѣсь не могъ я удержаться, чтобъ не напроказничать. Во-первыхъ, я вошелъ въ первую комнату въ биверѣ, что увидавъ, Клейнмихель подошелъ тотчасъ во мнѣ: «ты, мальчишка, и здѣсь думаешь шутить,

какъ и вездѣ, сказалъ онъ мнѣ, сними сейчасъ киверъ и пойдешь, я представлю тебя графу». Я вошелъ въ залъ, въ коемъ графъ принималъ гостей, и Клейнмихель представилъ меня графу, сказавъ, что я двоюродный братъ жены его. Аракчеевъ мнѣ поклонился, пожалъ мнѣ руку, сказавъ: «очень радъ». Предложивъ мнѣ снять амуницію, просилъ быть безъ церемоніи и танцовать. Повѣсивъ въ передней на вѣшалку киверъ и тесакъ, я вошелъ въ залъ, надѣвъ вмѣсто перчатокъ рукавицы. Замѣтивъ это, Клейнмихель снова подошелъ ко мнѣ: «ты забылъ, мальчишка, у кого ты? сказалъ онъ мнѣ выйдя изъ себя:—пошелъ сейчасъ ко мнѣ и возьми мои перчатки». Я отвѣчалъ ему, что напротивъ, я очень хорошо помню, что у графа Аракчеева, а потому и не смѣлъ надѣть перчатокъ, не имѣя на это права, а между тѣмъ перчатки были у меня за рукавомъ. Надѣвъ ихъ, я всталъ у дверей. Аракчеевъ снова подошелъ ко мнѣ и приглашалъ танцовать. Такъ какъ солдатъ кланяться не смѣетъ, то я, вмѣсто повлоновъ, шаркалъ и стучалъ каблукомъ объ каблукъ, оставаясь все-таки у дверей. Наконецъ графъ подошелъ ко мнѣ и крикнулъ: «да что же ты не танцуешь!» Я, какъ стоялъ и увидѣвъ прямо передъ собою сидящую сестру мою, отправился черезъ залъ на нее, но отуманенный, остановился передъ сидящею рядомъ съ сестрою, матерью Клейнмихеля и кланяясь ей сказалъ: «ежели ты не желаешь, чтобы я былъ въ Сибири, провальсируй со мною». Старушка захохотала, сказавъ мнѣ: «подлѣ меня сестра твоя, проси ее; ты съ ума сошелъ, я не танцую».—Провальсировавъ съ сестрою, я снова всталъ у дверей, но какъ-бы нарочно, графъ всегда стоялъ или подлѣ, или близъ меня, такъ что когда разносили питье, или мороженое, я не бралъ ни того, ни другого, а между тѣмъ пить хотѣлось ужасно. Наконецъ забрались мы съ графомъ Н. въ голубую гостинную, гдѣ стоялъ столъ съ фруктами и гдѣ никого не было, и тутъ-то мы дали себѣ волю. Во время попури, который танцовалъ я съ моею сестрою, мнѣ пришлось стоять спиною къ знаменамъ; надо сказать, что танцовали въ знаменной залѣ, а какъ графъ былъ шефомъ полка его имени, то и знамена находились въ его домѣ. На мою бѣду, кто-то, вальсируя, толкнулъ меня такъ сильно, что я чуть не уронилъ знамена. Смотрю, графъ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: «вы знамена чуть не уронили, знаете ли, что

это священная вещь». Я не зналъ что и отвѣчать, но меня выручилъ стоявшій подлѣ меня пріятель графа, Г., сказавъ, что я не виноватъ, но что меня танцующій спибу-было съ ногу*).— Недождавшись ужина, мы съ братомъ отправились домой; но когда усѣлись ужинать, графъ замѣтилъ наше отсутствіе и спросилъ Клейнмихеля: «Петръ Андреевичъ, а гдѣ же братцы твоей супруги?» Онъ отвѣчалъ, что одному изъ нихъ сдѣлалось дурно и поэтому они уѣхали. «Скажи-ка ты имъ, чтобы они въ понедѣльникъ пріѣхали ко мнѣ обѣдать».

На другой день, когда я пришелъ къ Клейнмихелю, онъ меня сильно журилъ за мои продѣлки, а когда сказалъ мнѣ, что я приглашенъ на обѣдъ къ графу, я ему отвѣчалъ, что я приду, но принесу съ собою деревянную ложку, такъ какъ нижнимъ чинамъ серебряныхъ ложекъ не полагается.— «Отъ тебя всего можно ожидать, а потому лучше не приходи, а я скажу, что ты дежурный»....

ПРИНЯТИЕ ВЪ МАСОНЫ ВЪ 1815 ГОДУ**).

I.

1815 года іюня 14 дня, послѣ обѣда въ 6 часовъ, камеръ-юнкеръ Дивовъ привезъ меня въ ложу вольныхъ каменщиковъ. Я былъ введенъ въ покой, гдѣ дожидался болѣе часа, пока кончился обрядъ принятія другого профана Г. М. князя Одоевскаго и вошелъ ко мнѣ человекъ, одѣтый просто во фракъ. Онъ завязалъ мнѣ глаза и повелъ чрезъ большой рядъ покоевъ; но вдругъ остановился. Я услышалъ громъ запоровъ, заскрипѣли двери и мы переступили черезъ порогъ. Провожатый посадилъ

*) Когда во время попури танцовали мазурку, то г-жа Е. выбрала генераль-адъютанта Д., и онъ, къ удовольствію графа, сдѣлалъ съ нею два тура.
Н. Т.

***) Печатаемая подъ этимъ заглавіемъ статья сохранилась въ бумагахъ, оставшихся послѣ А. П. Степанова, даровитаго автора «Постоялаго двора», «Поѣздка въ Маймаинъ, Енисейской губерніи», и пр., о которомъ представляемъ себѣ впоследствии поговорить подробнѣе. Рукопись сообщена намъ сыномъ А. П., генераль-лейтенантомъ Петромъ Александровичемъ Степановымъ.

меня на стулъ и сказалъ: «когда я уйду — снимьте повязку и углубитесь въ книгу, которая разверста передъ вами»; скрыпъ двери и громъ запоровъ извѣстилъ меня о его удаленіи. Я снялъ повязку. Черныя стѣны мрачной пещеры окружали меня; при слабомъ свѣтѣ лампы, которая висѣла надо мною, глаза мои встрѣтили мертвую голову и близъ нея развернутую библию на бархатной голубой подушкѣ, обшитой золотымъ галуномъ. Въ верху томное мерцаніе изображало также мертвую голову съ двумя внизу накрестъ костями и надписью *Memento mori*. Я взялъ книгу религіи и про себя читалъ: . . . . . *); при сихъ словахъ отворились двери и явился человекъ съ обнаженнымъ мечемъ; на шеѣ широкая голубая лента съ золотымъ треугольникомъ висѣла на его шеѣ; таковъ же треугольникъ, но только гораздо менѣе, на лентѣ алой съ серебряными каймами, украшалъ лѣвую сторону груди его; онъ спросилъ у меня важно по-французски: «какое намѣреніе ваше вступая въ собратство вольныхъ каменьщиковъ?» — я отвѣчалъ: «открыть вѣрнѣйшій путь въ познанію истины». — «Что такое истина?» — «Свойство той первоначальной причины, которая, сообщаетъ движеніе всей вселенной». — «По силѣ и возможности дастся вамъ понятіе о тѣхъ путяхъ; но теперь слѣдуетъ вамъ знать, что послушаніе, терпѣніе и скромность суть главнѣйшіе предметы, которые требуютъ отъ васъ, въ началѣ, общество, въ которое вы вступить намѣрены. Чувствуете-ли себя способнымъ облечься сими первоначальными добродѣтелями?» — «Я употреблю въ тому всѣ свои силы; но знайте также, что меня привлекаетъ не любопытство къ наружнымъ обрядамъ общества; я хочу увѣриться въ томъ, чего жаждетъ, но не постигаетъ душа моя; хочу имѣть средства утвердиться въ добродѣтели и усовершенствоваться тѣ, которыми обладаю, хочу знать безсмертна-ли душа моя?» — «Можно ли сомнѣваться въ томъ! ничто не исчезаетъ въ мірѣ». — «Но будучи часть предвѣчной души міра сего, какимъ образомъ душа человѣческая, оскверненная пороками, соединится съ чистѣйшимъ источникомъ своимъ?» — «Ищите и найдете, толцуйте и отверзется, отвѣчалъ мнѣ незнакомый ораторъ, но начните повиновеніемъ». И позвавъ брата-прислужника, онъ приказалъ ему снять всѣ

*) Пропускъ въ подлинникѣ.

вещи, которыя были при мнѣ: кафтанъ, жилетъ и сапогъ съ лѣвой ноги; перевязать ногу крѣпко платкомъ выше колѣна; завязать глаза и, спустивъ съ лѣваго плеча рубашку, обнажить грудь, въ которой приставя обнаженный мечъ вывелъ меня изъ мрачнаго убѣжища.

Долго въ такомъ положеніи дѣлалъ онъ со мной различныя обороты по комнатамъ и наконецъ, остановясь, сказалъ: «ударьте три раза кольцомъ» и положилъ на него руку мою — я исполнилъ; черезъ минуту послышался за дверями голосъ: «кто нарушаетъ спокойствіе бесѣды братской?» — путеводитель мой отвѣчалъ: «профанъ; онъ желаетъ вступить въ члены священнаго братства». — «Не тщетное ли любопытство его влечетъ къ тому?» — «Нѣтъ! онъ жаждетъ озариться свѣтомъ истины». — «Какое имя его? званіе, лѣта, мѣсто рожденія?» и такъ далѣе.... Послѣ подобныхъ вопросовъ и отвѣтовъ на нихъ двери открылись и я былъ введенъ.

Имѣя всегда крѣпкую повязку на глазахъ, я услышалъ издали важный тихій голосъ, который у меня спрашивалъ: «настойтельно-ли желаешь ты, профанъ, вступить въ священное словіе братства?» я отвѣчалъ: да! — «Имѣешь ли довольно твердости, чтобъ перенести испытанія, тебѣ подлежащія?» — «Да!» и такъ далѣе, и когда всѣ вопросы были кончены, тотъ же голосъ воззвалъ: «Братъ учредитель порядка, начни испытанія, соверши съ нимъ путь продолжительный и трудный». Тогда братъ учредитель порядка, приставя мнѣ мечъ къ груди и взявъ другою рукою меня за руку, началъ исполнять повелѣніе слышаннаго мною голоса. Онъ началъ со мною путь съ востока на западъ и тихо, малыми шагами, продолжалъ онъ водить меня, и говорилъ громко и внятно о жизни и смерти; потомъ остановился, потрепалъ меня по плечу и воскликнулъ: «Vénétable! профанъ сдѣлалъ первое испытаніе; твердость его подаетъ надежду къ перенесенію дальнѣйшихъ испытаній». Эта рѣчь повторена была двумя голосами, и голосъ повелѣвающій сказалъ: «начни второй путь» и проч. Когда же оный былъ конченъ, такъ какъ и третій, когда братъ наблюдатель порядка поставилъ меня на мѣсто, потрепалъ по плечу и отдалъ отчетъ; когда то-же повторили два голоса, — то голосъ тихій, сострадательный произнесъ: «возлюбленнѣйшіе братья! профанъ окон-

чилъ съ похвалою испытанія свои; онъ достоинъ вступить въ общество наше, позволите-ли ему приобщиться къ лику вашему?» (и что-то подобное). Глухое рукошлесканіе братьевъ явило согласіе; мнѣ велѣно было приблизиться; меня повели прямо; направляли мои ноги, чтобъ я ступалъ на извѣстныя мѣста; взвели на ступени, поставили колѣномъ на подушку и положили руку на библію и мечъ. Кто-то (великій магистръ) положилъ на нее свою руку и повелѣвалъ влясться въ сохраненіи тайны; потомъ задомъ отвели меня на прежнее мѣсто. Тогда кто-то возлѣ меня сказалъ мнѣ: «выстави языкъ!» и приложилъ къ нему какое-то желѣзо. Въ то же самое время послышался голосъ: «да спадетъ повязка съ глазъ его, да удостоится видѣть свѣтъ лучезарный». Она упала. Огонь вспыхнулъ передъ глазами моими, исчезъ и я увидѣлъ передъ собою въ освѣщенной круглой залѣ около 40 человекъ, сблизившихся въ полукружїи ко мнѣ съ устремленными прямо противъ меня мечами. За ними въ возвышеніи на престолѣ подъ зеленымъ балдахиномъ, усѣянномъ звѣздами, стоялъ великій магистръ. Цо его мановенію сонмъ братьевъ занялъ мѣста свои. Всѣ они были покрыты шляпами и имѣли лайвовые передники; но одни просто бѣлые, другіе обшитые розовыми и голубыми лентами, по степенямъ своихъ достоинствъ. По степенямъ-же ихъ достоинствъ были они украшены различными знаками, повѣшенными на голубыхъ или красныхъ съ серебряными ваймами лентахъ, на шеѣ и въ петлицахъ. Великій магистръ былъ въ шляпѣ съ такими же знаками, но только кромѣ треугольника отличался угольникомъ, висающимъ на голубой же лентѣ. Передъ нимъ находился столъ, покрытый до самаго пола. На семь столѣ возвышались три подсвѣчника на трехъ углахъ стола и лежали на подушкахъ Библія, мечъ, циркуль, треугольникъ, бѣлый молотокъ.

Когда всѣ заняли мѣста свои, В. М. велѣлъ подвести меня къ престолу своему. Посреди зала лежало изображеніе храма Соломонова, черезъ которое я проходилъ уже съ завязанными глазами. Теперь могъ я видѣть, что ноги мои переставляли для того, чтобы ступать на изображенія, послѣдовательно, на тѣ мѣста, кои ведутъ постепенно къ святилищу. Вступя на ступень и подойдя къ налою или столу, я преклонилъ колѣно. В. М. взялъ циркуль, наставилъ на обнаженную грудь и ударилъ молоткомъ

три раза. Я увидѣлъ, что изъ-подъ груди моей отнесли чашу орошенную кровью. Каждое изъ дѣйствій было сопровождаемо приличными словами. По окончаніи, В. М. велѣлъ мнѣ одѣться: я выведенъ былъ въ другой покой, и когда одѣлся и вошелъ въ ложу, Венерабль велѣлъ представить меня и другого посвященнаго со мною брата къ престолу, и когда подошли, онъ началъ слово въ подобныхъ изреченіяхъ:

«Любезные братья! Все, что вы ощутили и видѣли, есть іероглифы таинственной существенности: повязка на очахъ, темная храмина, умственные углубленія, удареніе кольцомъ, пути съ востока на западъ, шествіе по изображенію храма Соломонова,—все это есть не что иное, какъ разительныя черты того, что можетъ возбудить въ душѣ вашей мысли о ничтожности міра, возбудить желаніе къ отысканію истины: ищите и обрящете; толщьте и отверзется. Мы увѣрены, что довольно-бы было единого слова вашего къ сохраненію тайны, но мы вѣдаемъ также и слабость сердца человѣческаго и потому, надъ священной книгою религіи, наполняющею ревностью сердца всѣхъ насъ, приѣмлемъ, для обезпеченія себя, клятвы ваши, связующія васъ посредствомъ сей священной книги съ нами; для того требуемъ мы клятвы къ сохраненію тайны, дабы профаны, не понимающіе цѣли сего братства, не могли издѣваться надъ оною и употреблять во зло. Свобода и равенство царствуютъ между нами; подъ именемъ вольныхъ каменьщиковъ мы будемъ стараться вкупѣ о возстановленіи зданія, основаннаго на краеугольныхъ камняхъ, изображенныхъ въ сей священной книгѣ (онъ указалъ на Библию). Для того-то, любезные братья, облакаемъ васъ, подобно каменьщикамъ, запономъ и вручаемъ кирку (онъ далъ намъ лайковый передникъ и маленькую серебряную кирку). Примите также сію бездѣлку, знавъ братскаго союза нашего и носите на груди вашей всякій разъ, когда посѣтите общество (онъ далъ намъ на лентѣ алой съ серебряною каймою прорѣзной золотой треугольникъ, на сторонахъ котораго изображено: *Les amis réunis*, а въ срединѣ двѣ соединенныя руки). Примите сіи перчатки въ знавъ сохраненія чистоты вашихъ дѣяній; примите женскія—для подруги жизни вашей: прекрасный полъ не входитъ въ составъ нашего общества, но мы не нарушаемъ устава Творца и природы. Хорошая жена есть утѣшеніе въ ужас-

ныхъ испытаніяхъ міра сего; но да будутъ онѣ чисты и невинны въ дѣяніяхъ своихъ (та и другая пара перчатокъ изъ батиста). Примите наконецъ сей мечъ, которымъ должны отсѣбать страсти ваши и вѣдайте, что общество соединенныхъ братьевъ, въ которое теперь вступили вы, есть ничто само по себѣ, если не устремите воли своей къ отысканію истины; но служить преддверіемъ къ пути, который жаждетъ открыть пробужденная совѣсть падшей души».

По окончаніи этихъ словъ В. М. велѣлъ учредителю порядка облечь насъ въ знаки вольныхъ каменщиковъ и научить предварительнымъ іероглифамъ.

Такъ какъ братья имѣютъ различныя степени и мы двое облечены были еще первую *Les Apprentis* (ученики), то знакъ ихъ есть прикосновеніе правой руки къ шеѣ въ такомъ положеніи; потомъ вдругъ относомъ руки на правое плечо такъ, и наконецъ опущеніе вдоль по бедру. Знакъ для познанія брата есть пожатіе рукъ такимъ образомъ, чтобъ большой палецъ одного подавить руку другого вдругъ два раза съ малою остановкою, а въ третій гораздо сильнѣе. Слово для узнанія масона есть *Saquin* и говорится такъ послѣ пожатія руки: «скажи мнѣ первое слово—я тебѣ скажу второе»; другой произноситъ: *S*; первый: *a*; другой *q* и такъ далѣе. Слово священное есть *tubalcaïn*. Всѣ эти слова и іероглифы имѣютъ свое значеніе, но не отрываются первой степени.

Когда научили насъ симъ знакамъ, то завязали запоны, повѣсили на пуговицу кирку и въ петлицу треугольникъ, дали въ руки обнаженные мечи, велѣли надѣть шляпы подобно всѣмъ братьямъ, и указали мѣста, гдѣ должно сѣсть.

II*).

Милостивый государь дядюшка! Я вошелъ у г. Жеребцова въ тѣ связи, которыя занимаютъ и васъ; но самый этотъ входъ сдѣлался-бы также и минутою вѣчнаго моего удаленія, еслибы я не

*) Вступленіе А. П. Степанова въ масонскую ложу заставило его написать помѣщаемое здѣсь письмо къ родному его дядѣ, Руфу Семеновичу Степанову, стоявшему, послѣ смерти Поздѣева, во главѣ московскихъ масоновъ.

былъ наведенъ на извѣстнаго вамъ графа Віелегорскаго. Находя въ □ г. Жеребцова людей, смѣющихся надъ всѣмъ, что ихъ тамъ окружаетъ; людей, которымъ цѣлю не служить даже связь дружества; людей, предающихся буйству въ часы пиршества и стремящихся въ наружному между ними возвышенію; я не могъ найти между ними не только никакого разъясненія, но удалился совершенно отъ цѣли, съ которою вступилъ къ нимъ; сдѣлался подобенъ имъ и, переходя изъ степени въ степень, смѣялся съ ними вмѣстѣ игрѣ большихъ дѣтей, — такъ называлъ я мудрую аллегорію, до тѣхъ поръ, пока не сошелся съ графомъ Віелегорскимъ. Онъ, не совѣтуя мнѣ оставлять □ г. Жеребцова, показалъ дружелюбною своею бесѣдою малый свѣтъ, открывъ слегка аналогію ритуаловъ □ внутренней. Тогда обратился я снова къ цѣли своей, которая была и есть въ желаніи узнать самого себя; и если существуетъ во мнѣ натура высокая, если кромѣ наружныхъ органовъ, которые отдѣляютъ меня отъ скота, есть во мнѣ существо, могущее приблизиться къ Творцу моему, то узнать связь этой высокой природы моей съ низкою, чтобъ взять на себя трудъ усовершенствовать себя — вотъ для чего вступилъ я въ извѣстное вамъ общество, и что намѣренъ былъ дѣлать тамъ. Теперь милостивое ваше ко мнѣ обращеніе и благодѣтельное желаніе руководствовать мною, заставляютъ меня открыть себя вамъ, чтобъ удобнѣе могли располагать моею работою и показать, какимъ образомъ могу употреблять тотъ ключъ, который я получилъ не умѣя его употреблять. Съ истиннымъ почтеніемъ и проч. А. Степановъ.

Сообщ. П. А. Степановъ.

ВОСПОМИНАНІЯ А. П. КЕРНЪ.

Три встрѣчи съ императоромъ Александромъ Павловичемъ.

1817 — 1820 гг.

I.

Теперь, когда я почти ослѣпла и мнѣ прочли чрезвычайно замѣчательное произведеніе графа Л. Н. Толстаго: «Война и Миръ», гдѣ, между прочимъ, говорится о страстномъ, благого-

вѣйномъ чувствѣ, ощущавшемся всѣми молодыми людьми въ императору Александру Павловичу, въ началѣ его царствованія, мнѣ такъ ясно, такъ живо, такъ уповательно представилась та эпоха, и воротились тѣ живыя, никогда незабываемыя мною воспоминанія, о которыхъ мнѣ захотѣлось рассказать.

Расскажу первую — незабвенную встрѣчу мою съ императоромъ Александромъ Павловичемъ въ 1817-мъ году. Въ Полтавѣ готовился смотръ корпуса г-на Савена, въ которомъ мужъ мой, Кернь, служилъ дивизионнымъ командиромъ. Немного прибита на цѣвту — какъ говорятъ въ Малоросіи — необыкновенно робкая, выданная замужъ и слишкомъ рано, и слишкомъ неразборчиво, я привезена была въ Полтаву. Тутъ меня повезли на смотръ и на балъ, гдѣ я увидѣла императора.

У меня была подруга еще моложе меня и вышедшая замужъ, тоже за генерала, старѣе гораздо ее, но образованнаго, пріятнаго и очень умнаго человѣка, который умѣлъ съ нею обращаться, — и мы съ нею вмѣстѣ ѣздили на смотръ и вмѣстѣ стояли на этомъ балѣ, противъ группы, гдѣ стоялъ императоръ, Савень и его *état-major*.

Я находила, что эта моя подруга гораздо лучше меня одѣта: на ней была куафюра съ перомъ, очень украшавшая ее молодое, почти дѣтское личико и она мнѣ сказала, что мужъ выписалъ ей эту куафюру потому, что государь любилъ подобный головной уборъ безъ другихъ украшеній. Какъ мнѣ досаденъ сдѣлался мой голубой съ серебряными листьями цвѣтокъ.

Савень былъ со мною знакомъ проѣздомъ черезъ Лубны, гдѣ я жила у отца до замужества, останавливался у насъ въ домѣ и весьма благоволилъ ко мнѣ.

Его позволеніе Керну на мнѣ жениться было какое-то нѣжное поздравленіе близкаго родственника, болѣе чѣмъ начальника.

Онъ и указалъ государю на меня и сказалъ ему кто я.

Императоръ имѣлъ обыкновеніе пропустить нѣсколько паръ въ польскомъ прежде себя и потомъ, взявъ даму, идти за другими. Эта тонкая разборчивость, только ему одному сродная, и весь онъ, съ его обаятельною граціею и неизъяснимою добротою, — невозможными ни для какаго другого смертнаго, даже для другого царя, восхитили меня, ободрили, воодушевили и робость моя исчезла совершенно. Не смѣя ни съ кѣмъ говорить

доселѣ, я съ нимъ заговорила какъ съ давнишнимъ другомъ и обожаемымъ отцемъ! Онъ заговорилъ и я была на седьмомъ небѣ, и отъ ласковости этихъ рѣчей, и отъ снисходительности въ моимъ дѣтскимъ понятіямъ и взглядамъ!

Онъ говорилъ о мужѣ моемъ, между прочимъ: «C'est un brave soldat!» (храбрый воинъ) это тогда такъ занимало ихъ! Потомъ сказала: «Venez à Pétersbourg chez moi» (приѣзжайте въ Петербургъ ко мнѣ). Я съ величайшею наивностью сказала, что это невозможно, что мой мужъ на службѣ. Онъ улыбнулся и сказалъ очень серьезно: «Il peut prendre un semestre» (онъ можетъ взять отпускъ). На это я такъ расхрабрилась, что сказала ему: «Venez plutôt à Loubny! C'est si beau Loubny!» (Приѣзжайте лучше въ Лубны, государь, Лубны такая прелесть!). Онъ опять засмѣялся и сказалъ: «Je viendrai, absolument, je viendrai!» (Я непременно приѣду!).

Я возвратилась домой такая счастливая и восторженная, рассказала мужу весь разговоръ съ царемъ и умоляла устроить мнѣ возможность еще разъ взглянуть на него, что онъ и исполнилъ.

Я проѣхала къ обѣдни въ маленькую полковую церковь, разбитую шатромъ на полѣ Полтавской битвы, у дубоваго лѣска, и опять имѣла счастье его увидѣть, имъ любоваться и получить сперва серьезный поклонъ, потомъ, уходя, ласковый, улыбающійся.

По городу ходили слухи, вѣроятно несправедливыя, что будто императоръ спрашивалъ гдѣ наша квартира и хотѣлъ сдѣлать визитъ... Потомъ много толковали, что онъ сказалъ, что я похожа на прусскую королеву. На основаніи этихъ слуховъ губернаторъ Тутолминъ, очень ограниченный человекъ, даже поздравилъ Керна, на что тотъ съ удивительнымъ благоразуміемъ отвѣчалъ, что онъ не знаетъ съ чѣмъ тутъ поздравлять? Сходство съ королевой было въ самомъ дѣлѣ, потому что въ Петербургѣ одинъ офицеръ, бывший камеръ-пажемъ во дворцѣ при приѣздѣ королевы, это говорилъ моей тетѣ, когда меня увидѣлъ. Можетъ быть это сходство повліяло на расположеніе императора къ такой неловкой и робкой тогда провинціалѣ!

II.

Многія восхищались въ то время кто Сухозанетомъ, который былъ тогда очень молодымъ генераломъ, кто графомъ Орловымъ, генераль-адъютантомъ.

Я нивого не замѣчала, ни на кого не смотрѣла: развѣ можно смотрѣть по сторонамъ, когда чувствуешь присутствіе божества, когда молятся?

Это были только мужчины: красивые-ли, не красивые — мнѣ было все равно. А онъ былъ выше всего! Я не была влюблена... я благоговѣла, я поклонялась ему!... Этого чувства я не промѣняла-бы ни на какія другія, потому-что оно было вполне духовно и эстетично. Въ немъ не было ни задней мысли о томъ, чтобы получить милость посредствомъ благосклоннаго вниманія царя — ничего, ничего подобнаго... Все любовь чистая, безкорыстная, довольная сама собой.

Если-бы мнѣ кто сказалъ тогда: «этотъ человѣкъ, передъ которымъ ты молишься и благоговѣешь, полюбилъ тебя какъ простой смертный» — я-бы съ ожесточеніемъ отвергла такую мысль и только-бы желала смотрѣть на него, удивляться ему, поклоняться какъ высшему обожаемому существу!...

Это счастье, съ которымъ никакое другое не могло для меня сравниться!

III.

А что говорили мнѣ всѣ окружающіе царя, танцующая со мною, право не помню, и не смотрѣла я на нихъ, и не слушала ихъ. Они всѣ толковали о прелестной музыкѣ Болугіанскаго оркестра, и дѣйствительно она была обворожительна; царь тоже ею восхищался.

Возвратясь, послѣ смотра, домой въ Лубны, я предалась мечтаніямъ ожидающаго меня чувства матери, о которомъ пламенно молилась и желала. Тутъ примѣшивалась теперь надежда, позже осуществившаяся, что императоръ будетъ воспріемникомъ моего ребенка!

Еще до этого событія мнѣ удалось сдѣлать путешествіе въ Кіевъ въ сообществѣ моей матери, и я тамъ имѣла счастье вмѣ-

стѣ съ нею посѣтитъ неподобное семейство Раевскихъ. Впечатлѣніе незабвенное и вполнѣ эстетическое. Николай Николаевичъ Раевскій представилъ женѣ своей моего мужа, назвавъ его: «mon frègre d'armes» (мой братъ по оружію). Она сейчасъ приняла меня подѣ свое покровительство, приголубила и познакомила со всѣми дочерьми своими. Старшая, полная граціи и привлекательности, сама меня приласкала. Это красавица Нина, о которой потомъ вспоминалъ Пушкинъ. Меньшая была Марія, кроткая брюнетка, вышедшая потомъ за Волконскаго.

Я многихъ тамъ увидѣла, съ которыми потомъ довелось встрѣчаться въ свѣтѣ: и Дубельтъ и М-ше Фр — ть, на которую такъ все бы и хотѣлось смотрѣть! Кіевъ самъ мнѣ представился въ обворожительномъ видѣ: мы подѣзжали къ нему въ ясный ноябрьскій вечеръ — теплый и солнечный, когда завать позлащаль главы церквей его. Ничего не могло быть восхитительнѣе.

Вскорѣ мы возвратились домой, гдѣ я, выздоравливая послѣ долгихъ страданій, сопровождавшихъ мое новое званіе матери, узнала во-первыхъ, что императоръ вспомнилъ обо мнѣ и хвалилъ меня въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ тетѣ моей Мертваго, которая представлялась императрицѣ Маріи Федоровнѣ въ ея кабинетѣ, куда онъ нечаянно вошелъ. Онъ сказалъ тетѣ, что имѣлъ удовольствіе со мною познакомиться и прибавилъ: «Elle est charmante, charmante votre nièce». Какое вниманіе и какая память!

Потомъ тою же весною мужъ мой Кернъ попалъ въ опалу, вслѣдствіе своей заносчивости въ обращеніи съ Сакеномъ.

Я забыла сказать, что немедленно послѣ смотра въ Полтавѣ господинъ Кернъ былъ взысканъ монаршею милостью: государь ему прислалъ пятьдесятъ тысячъ за манѣвры.

Надобно сказать, что Сакенъ, поближе узнавъ Керна, не очень благоволилъ къ нему и зная нашу интимную жизнь, не слишкомъ его уважалъ.

Слѣдующій затѣмъ смотръ долженъ былъ быть въ Вознесенскѣ. Керну захотѣлось туда поѣхать, чтобы лично поблагодарить царя за его милость;—и онъ просилъ позволенія на то у корпуснаго своего командира Сакена. Сакенъ былъ имъ за что-то недоволенъ и сказалъ, что отпускъ ему теперь не можетъ разрѣшиться. Настаивать было нечего. Кернъ расклялся,

да не долго думая, взялъ и поѣхалъ въ Вознесенскъ и безъ позволенія. Этого еще мало, — кромѣ таковаго преступленія противъ субординаціи, онъ, на одной изъ послѣднихъ станцій передъ Вознесенскомъ, — найдя Сазена спящимъ, обогналъ его, взявъ приготовленныхъ ему лошадей. Старикъ справедливо возмущился и, при представленіи генераловъ царю, на него пожаловался императору, и царю его вовсе не представилъ, а на другой же день въ приказѣ стояло: «генералу Керну состоять по арміи!» Съ этимъ извѣстіемъ Кернъ воротился къ намъ и тотчасъ же рѣшилъ поѣхать въ Петербургъ просить о службѣ. Поѣхалъ, но не былъ допущенъ къ царю, и князь Петръ Михайловичъ Волконскій велѣлъ ему сказать, что царь не можетъ его принять и что онъ самъ лучше знаетъ за что.

Это все передала отцу моему, бывшему тогда въ Петербургѣ, его сестра Оленина, которая просила князя Волконскаго за моего мужа, какъ за своего родственника. Не скажу, чтобъ это меня особенно огорчило. Отсутствіе мужа такъ благодатно на меня дѣйствовало, что я забывала и о его службѣ и о смотрахъ, и о своемъ блескѣ, въ который на минуту окунулась... Я жила при матери, которую обожала, и кормила свою дѣвочку.

Зимою старшіе рѣшили, что намъ не худо проѣхать въ глубину Россіи и повидаться съ родными. Мы поѣхали сперва въ Липецкъ, гдѣ жилъ братъ моего мужа, потомъ въ Москву къ теткамъ Мертваго и Полторацкой, женѣ Дмитрія Марковича Полторацкаго, только-что умершаго моего крестнаго отца и лучшаго изъ людей.

Приѣхавъ въ Грузино къ старой и страшной бабушкѣ моей Агафѣ. Ал—нѣ Полторацкой, мы узнали, что отецъ мой въ Петербургѣ и зоветъ туда Керна еще попытаться какъ-нибудь у царя. Онъ звалъ его одного и я была-бы очень рада не ѣхать, но бабушка рѣшила, что жена не должна оставаться безъ мужа, и мы поѣхали. Это все влону я къ тому, что это привело ко второй моей встрѣчѣ съ императоромъ, хотя на мгновеніе, но не безъ слѣда. Императоръ, какъ всѣ знаютъ, имѣлъ обыкновеніе ходить по Фонтанкѣ по утрамъ. Его часы всѣмъ были извѣстны и Кернъ меня послалъ туда съ своимъ племянникомъ изъ пажей. Мнѣ это весьма не нравилось и я мерзла и ходила

досаду и на себя, и на эту настойчивость Керна. Какъ нарочно мы царя ни разу не встрѣчали.

Когда это бесплодное гулянье мнѣ надоѣло, я сказала, что не пойду больше,—и не пошла. За то случай мнѣ доставилъ мелькомъ это счастье: я ѣхала въ каретѣ довольно тихо черезъ Полицейскій мостъ, вдругъ увидѣла царя почти у самаго окна кареты, которое я успѣла опустить, низко и глубоко ему поклониться и получить поклонъ и улыбку, доказавшія, что онъ меня узналъ.

Черезъ нѣсколько дней Керну, бывшему дивизионному командиру, князь Волконскій, отъ имени царя предложилъ бригаду, стоявшую въ Дерптѣ. Мужъ согласился, сказавъ, что не только бригаду, роту готовъ принять въ службѣ царя.

IV.

Въ этотъ мой приѣздъ въ Петербургъ, я встрѣтила Пушкина въ домѣ тетки моей Олениной. Отецъ меня представилъ Крылову, Гнѣдичу и я видѣла Карамзина съ его гордой, даже надменной супругой. Нѣкто сказалъ, когда вошелъ Карамзинъ и жена его въ залу, гдѣ разыгрывались шарady: «*Oui, c'est là m-me Карамзинъ, on le voit à sa morgue!*» Больше я ихъ не видала: она была первою любовью Пушкина. Всѣ знаютъ, что онъ пожелалъ получить ея благословенье передъ смертью. Я думаю, онъ никого истинно не любилъ, кромѣ няни своей и потомъ сестры. Въ этотъ же приѣздъ мой въ Петербургъ, когда разрѣшили балы послѣ смерти Екатерины Павловны, любимой сестры императора, — я была представлена — моею бабушкою Муравьевой, госпожѣ Афросимовой, такъ вѣрно списанной графомъ Л. Н. Толстымъ. Представленіе было успѣшно: я имѣла счастье ей понравиться. Встрѣтивъ Пасху у родныхъ въ Тверской губерніи, мы направились къ новому назначенію моего мужа въ Дерптъ. Этотъ милый Дерптъ всегда мнѣ будетъ памятенъ. Мнѣ тамъ было хорошо.

Ко мнѣ туда приѣхали дорогія гости: тетя и многолюбимая сестра Анна Николаевна Вульфъ, которая приѣхала лѣтомъ и осталась у меня гостить до зимы. Мы такъ много читали, много гуляли, выходили и выѣзжали всегда вмѣстѣ. Кернъ лечился — я тоже брала ванны и лечилась понемногу.

Знакомство наше было не многочисленное, но такое, какъ лучше нельзя пожелать. Дѣвицы Фурманъ, изъ которыхъ одна долго жила у моей тетки Олениной... Онѣ меня познакомили съ Моёръ и матерью ея Протасовой.

М-ше Моёръ, ангель во плоти, первая любовь Жуковскаго и его муза, подружилась съ нами и мы почти каждый день видѣлись. У нея не было тогда дѣтей, хотя она страстно ихъ желала. Между ними не было страстной любви, только взаимное уваженіе. Она любила прежде Жуковскаго—и любовь эта, чистая и высокая, кажется не угасала никогда. Впослѣдствіи Богъ далъ ей желанное дитя и я его видѣла черезъ нѣсколько лѣтъ подлѣ бабушки ея, грустной, осиротѣлой матери....

Марія Андреевна умерла, кажется, послѣ родовъ.

Никогда не забуду времени, проведеннаго съ нею и у нея въ ея маленькомъ садикѣ, или въ ея уютной гостиной, слушающая музыку:—она съ мужемъ играла очень хорошо на фортепіано въ четыре руки, оба близорукие и въ очкахъ;—или осенью сидящую на маленькомъ стулѣ, гдѣ-нибудь за дверью и убаюкивающую дитя, взятое у родныхъ мужа, которое баловала изо всѣхъ силъ.

Немудрено, что я уже нигуда не хотѣла изъ таковой эстетической среды. Но мнѣ повелѣли ѣхать на маневры въ Ригу и я, сѣрѣя сердце, поѣхала въ сопровожденіи милой сестры, ободравшей меня своей любовью и ласками.

Насъ посѣщала иногда дивизионный нашъ командиръ, генералъ Лаптевъ,—весьма суровая и непривлекательная личность,—принявшій сначала мужа весьма неблагоприятно, потомъ сдѣлавшійся намъ пріятелемъ и даже доброжелателемъ такъ, что когда по командѣ присланъ былъ мнѣ великолѣпный фермуаръ, подарокъ кума-императора, то онъ привезъ мнѣ его самъ и выразился весьма фигурально—о сіяніи отъ брильянтовъ около фермуара... Не припомню хорошенько выраженія; но тутъ былъ очень тонкій комплиментъ моей красотѣ.

Увы! я не долго пользовалась этимъ дорогимъ украшеніемъ.

Мнѣ говорили, что этотъ фермуаръ былъ сдѣланъ на заказъ въ Варшавѣ и стоилъ шесть тысячъ ассигнаціями.

У насъ бывалъ тоже генералъ Кайсаровъ. Онъ очень заботился о восстановленіи Керна въ прежнихъ его правахъ, и уха-

живаль за мною. Я его не любила за то, что онъ мнѣ казался фальшивъ, умѣя угождать Керну и еще за то, что былъ красивъ собою, а я не любила писанныхъ красавцевъ, какимъ онъ былъ, самонадѣянъ и — генералъ въ худшемъ значеніи этого слова.

Мы переѣзжали изъ города въ городъ, поджидая и осматривая полки нашей бригады. Кернъ ѣздилъ то провожать ихъ, то встрѣчать; а мы съ Анной Николаевной жили въ маленькомъ городѣ Валѣѣ, въ весьма поэтическомъ домикѣ съ садикомъ, при выѣздѣ изъ города.

Мы долго тутъ еще жили: до начала маневровъ и приѣзда государя.

Очень было весело и даже шумно. У хозяйки было нѣсколько сестеръ и мужъ, хотя пожилой, но безъ селадонныхъ нѣжностей и ухаживаній за молодою, хорошенькою женою.... Онъ былъ очень важенъ и серьезенъ.

Они насъ однажды позвали обѣдать и меня очень удивило меню обѣда: было одно большое блюдо рябчиковъ, весьма вкусно приготовленныхъ въ соусѣ — и потомъ — вафли — сыръ и десертъ. Блюда подавали по два раза; но только всего два и никогда больше.

Однажды вечеромъ, въ сумеркахъ, прибѣгаетъ Кайсаровъ съ озабоченнымъ видомъ: онъ не зналъ, что мы здѣсь и долго насъ искалъ.

«Je vous cherche partout», сказалъ онъ, «мнѣ нужно съ вами поговорить».

— «Что такое?»

«Не хотите-ли написать письмо къ Сакену? Я слышалъ, онъ хорошо къ вамъ расположенъ».

— «Охотно!» отвѣчала я ему, съѣла и написала.... Въ этомъ письмѣ я просила его забыть его неудовольствія къ мужу и проч. Письмо Кайсаровъ самъ взялся доставить и удалился.

На другой день былъ какой-то смотръ еще до царя — репетиція.

Я туда поѣхала съ сестрою и нѣсколькими знакомыми дамами.

Я замѣчаю, что, невѣдомо себѣ, я въ своемъ разсказѣ отдаляю замѣчательную, не только знаменательную, дорогую для меня — послѣднюю встрѣчу съ императоромъ! Продолжаю. Моя

карьета стояла на весьма почтительномъ отдаленіи отъ мѣста дѣйствія, такъ что я весьма удивилась, когда нѣсколько всадниковъ отдѣлились отъ группы генераловъ и всего *état-major*,— и направились въ мою сторону, имѣя во главѣ своей, тогда еще бѣлаго какъ снѣгъ, главнокомандующаго Савена. Они подѣхали къ каретѣ и Савенъ протянулъ мнѣ руку въ открытое окно кареты и осыпалъ меня привѣтствіями и любезностями, поцѣловалъ мою руку и сказалъ на прощанье: «*Soyez tranquille, ma chère Anna Petrovna, je ferai pour vous tout ce qui sera en mon pouvoir*». (Будьте покойны, моя милая Анна Петровна, я сдѣлаю для васъ все, что отъ меня будетъ зависѣть).

Мнѣ сдѣлалось такъ отрадно и весело, что я просила моихъ дамъ уѣхать, чтобы дома подумать о лестномъ обѣщаніи въ ожиданіи бала. Я обѣщала имъ повезти ихъ на настоящій смотръ и маневры.

Въ этотъ-же день приѣхалъ императоръ и обѣдалъ со свитою главнокомандующаго и прочими генералами у дворянства.

Вечеромъ приготовили балъ въ залѣ собранія.

Мы съ сестрою переѣхали въ городской домъ нашихъ хозяевъ и провели весь день тихо и мирно вдвоемъ. Кернъ обѣдалъ тамъ-же и возвратился довольно поздно въ очень радостномъ расположеніи духа, и началъ меня, всегда лѣнивую, торопить туалетомъ, говоря, что я и то опоздала, что не хорошо приѣхать на балъ позже императора. При этомъ рассказалъ утѣшительное извѣстіе о своемъ свиданіи съ царемъ и нѣкотораго рода примиреніи.

«За обѣдомъ, сказалъ онъ, императоръ не говорилъ со мною, но по временамъ смотрѣлъ на меня. Я былъ ни живъ, ни мертвъ, думая, что все еще состою подъ гнѣвомъ его! Послѣ обѣда началъ онъ подходить то къ тому, то къ другому — и вдругъ подошелъ ко мнѣ! «Здравствуйте! жена ваша здѣсь? Она будетъ на балѣ, надѣюсь?»

На это Кернъ, натурально, заявилъ свою горячую признательность за вниманіе, сказалъ, что я непременно буду и приѣхалъ меня торопить.

Я всегда имѣла странную особенность: какъ-бы ни желала куда-нибудь ѣхать, особенно на балы, — которые я очень любила, когда настанетъ минута отправляться, меня одолевала робость

и нежеланіе двинуться, такъ, казалось бы, хорошо было остаться дома.

Но нечего дѣлать, мы съ сестрою начали одѣваться; я позаботилась и о ея туалетѣ. О своемъ-же мнѣ никогда не нужно было заботиться, мнѣ было заранѣе выписано изъ Петербурга платье—тюлевое на атласѣ и головной уборъ; маленькая корона изъ папоротника съ его воображаемыми цвѣтами. Это было очень удобно для меня или моей лѣни и неумѣнью наряжаться. Я только заплела свою длинную косу и положила папоротниковоую коронку, закинувъ длинные локонны за ухо, и прикрѣпила царскій фермуаръ, какъ вошелъ мужъ, и мы втроемъ поѣхали...

Можно сказать, что въ этотъ вечеръ я имѣла полнѣйшій успѣхъ, каковой когда-либо встрѣчала въ свѣтѣ!

Мы вошли. Царя еще не было. Слава Богу. Зала была полна; но я замѣтила, не доходя до конца этой длинной овальной залы, на которомъ сидѣли почетныя дамы, маркизу Паулучи (первую жену маркиза), больную и весьма несчастную на видъ, и другія важныя лица, и чтобы не заходить далеко и высоко, мы помѣстились съ сестрою около менѣе важныхъ дамъ въ уголкѣ, у печки... На серединѣ комнаты стояли мужчины изъ свиты императора и важнѣйшія лица, какъ напримѣръ маркизъ Паулучи и проч.

Пока императоръ не приѣхалъ, музыка не играла, слышенъ былъ только сдержанный говоръ ожидавшихъ его...

Савенъ меня замѣтилъ и, подойдя, вывелъ почти на середину залы, гдѣ остановился и осматривалъ меня комплиментами и просилъ снять длинную перчатку, чтобы разцѣловать мнѣ руку; я очень сконфузилась, разумѣется, оробѣла, неловко раскланялась съ нимъ и воротилась въ свой уголокъ.

Я объ этомъ распространяюсь потому, что много лѣтъ спустя, когда я была въ Ригѣ, мнѣ напоминали нѣкоторые знакомые о моей робости и скромности, очень нравившимися во мнѣ всѣмъ...

Кернъ подвелъ меня къ маркизѣ;—ему, кажется, хотѣлось, чтобы она меня усадила подлѣ себя; но я, раскланявшись, — удалилась опять въ свой уголокъ—и благо мнѣ было!

Скоро вошелъ императоръ, грянула музыка съ хоръ и п-ше Сеси,—ожидавшая тамъ,—своимъ громкимъ голосомъ пропѣла ему хвалебный гимнъ. Онъ кончался пригѣвомъ:

«Viva, Alexander, viva!
«L'honor di nostra Eta».

Нивогда я столько не восхищалась походкой императора, ему одному свойственной! Онъ не ступалъ по залу, а какъ будто неся на облакахъ—спросите у очевидцевъ—всѣ это скажутъ. Въ этой походкѣ примѣшивалась робость къ неописанной граціи. Онъ вошелъ, остановился, выслушалъ гимнъ г-жи Сеси съ благосклонной улыбкой, прошелъ нѣсколько далѣе и, по странной, счастливой случайности, остановился прямо противъ меня и очень близко, — потому что толпа въ срединѣ такъ была велика и пространство между ею и дамами, сидѣвшими вокругъ залы, было такъ мало, что нужно было только сдѣлать одинъ шагъ и протянуть руку, чтобы аганжировать даму. Маркизъ Паулучи сдѣлалъ списовъ дамамъ, который и прочиталъ императору... Ему, вѣжеству, хотѣлось, чтобы императоръ соблюлъ въ танцахъ чиновочитаніе; но императоръ обратился, не дослушавъ списка, къ его супругѣ въ перьяхъ, которой нѣсколько разъ почти дѣлалось дурно отъ страха: она боялась, какъ огня, своего мужа; потомъ императоръ взялъ въ польскій свою хозяйку, англичанку, жену негоціанта.

Потомъ увидалъ меня, свое скромное vis-à-vis, — и быстро протянулъ руку. Начались обычные комплименты, а потомъ сердечное выраженіе радости меня видѣть — и распросы о моемъ здоровьи. Я сказала, что долго хворала и что теперь надѣюсь полного выздоровленія отъ чувства частія по случаю возвращенія его благосклонности къ моему мужу. Онъ вспомнилъ, что мелькомъ меня видѣлъ въ Петербургѣ и прибавилъ: «Vous savez pourquoi cela n'a pu être autrement».

Я уже и не знаю, что онъ хотѣлъ этимъ сказать. Не потому ли только не встрѣчался и не разговаривалъ со мною, что все еще гнѣвался на Керна?...

Первыя пары насъ, по обычаю польскаго, разлучили; потомъ онъ еще разъ меня взялъ и продолжалъ начатый разговоръ. Онъ сказалъ, что помнитъ, какъ мы молились въ Полтавѣ «dans cette petite église, si vous vous souvenez?»

Я сказала, что такія минуты не забываются. А онъ замѣтилъ: «Jamais je n'oublierai le premier moment où je vous ai vu!» (Нивогда не забуду первую минуту, когда я васъ увидѣлъ!)

Далѣ добавилъ: «Dites-moi, desirez-vous quelque chose? Не могу ли я вамъ быть полеветъ?»

Я отвѣчала, что по возвращеніи его благосклоннаго прощенія моему мужу, мнѣ нѣчего больше желать и я этимъ совершенно счастлива. Опять перервали польскій и въ третій разъ онъ меня взялъ, чтобы опять спросить: не нужно ли мнѣ что отъ него, и сказалъ эти незабвенныя для меня слова: «Je veux que vous soyez dans l'aisance!» (Я хочу, чтобы вы были въ довольствѣ!) и съ нѣжною добротою проговорилъ: «Adressez-vous à moi comme à un père». (Обращайтесь ко мнѣ, какъ къ родному отцу)!

Послѣ этого спросилъ еще: «буду ли я завтра на маневрахъ». Я отвѣчала, что непременно буду, хотя вовсе этого прежде не желала, боясь до смерти шума и стрѣльбы.

Немного погодя Кайсаровъ подбѣжалъ ко мнѣ и сказалъ: J'espère que vous devez être contente de votre soirée? (Кажется вы должны быть довольны этимъ вечеромъ?).

V.

Маневры сорока-тысячнаго корпуса были за Двиной по ту сторону Московскаго форштадта, на огромномъ полѣ. Въ концѣ этого поля сооружена была весьма красивая галерея, обвитая зеленью, — совсѣмъ сквозная: на сторонѣ ея, обращенной къ полю, былъ балконъ, съ котораго дамы смотрѣли на маневры, — а когда все кончилось — и въ нижней части галереи накрыли столъ и всѣ съѣхались съ маневровъ обѣдать, то дамы, обратившись назадъ къ балюстрадамъ, могли видѣть обѣдающихъ

Случай доставилъ мнѣ мѣсто прямо надъ верхнимъ концомъ стола.

Императоръ шелъ очень тихо и граціозно, все пропуская передъ собою старика Сабена, потомъ посадилъ его на первое мѣсто въ концѣ стола, по правую свою сторону.

Когда они усѣлись, заиграла музыка, очень хорошая, одного изъ нашихъ морскихъ полковъ, — и заиграла любимыя мои аріи вмѣсто увертюры...

Формалистъ Лаптевъ, дивизионный командиръ, весьма взволновался этимъ, особенно когда они заиграли прелестный русскій мотивъ съ варіаціями:

„Возлѣ рѣчки, возлѣ мосту...“

Императоръ, разумѣется, не обращалъ на это никакого вниманія. Онъ въ это время просилъ, дѣлая знаки рукой, чтобы не отталкивали бѣдную, очень старую женщину, которая все еще двигалась впередъ, чтобъ лучше на него посмотреть!

Между тѣмъ Савенъ взглянулъ кверху и привѣтливо мнѣ поклонился. Это было такъ близко надъ ихъ головами, что я слышала, какъ императоръ спросилъ у него: «Qui saluez vous, général?» (кому вы это кланяетесь, генералъ?)

Онъ отвѣчалъ: «C'est m-me Kern?»

Тогда императоръ посмотрѣлъ на верхъ, и въ свою очередь ласково мнѣ поклонился. Онъ нѣсколько разъ смотрѣлъ потомъ на верхъ. Я любовалась всѣми его движеніями и въ особенности манерой рѣзать бѣлый хлѣбъ своею бѣлою прекрасной рукой.

Но—всему бываетъ конецъ—и этому счастливому созерцанію моему настала минута—последняя! Я и не думала тогда, что она будетъ самая последняя для меня....

Вставая изъ-за стола, императоръ поклонился всѣмъ—и я имѣла счастье убѣдиться, что онъ, раскланявшись со всѣми и со всѣмъ уже уходя, взглянулъ къ намъ на верхъ и мнѣ поклонился въ особенности. Это былъ его послѣдній поклонъ для меня... До меня дошло потомъ, что Савенъ говорилъ съ императоромъ о моемъ мужѣ и замѣтилъ, между прочимъ: «Государь, мнѣ ее жаль!»

Онъ ушелъ — другіе засуетились и блистательная толпа скрыла государя отъ меня на вѣки.

Примѣчаніе. Приведенный рассказъ сообщенъ намъ, по порученію ея составительницы, Анны Петровны Марковой-Виноградской, въ первомъ замужествѣ генеральши Кернъ, рожденной Полторацкой. Госпожа Кернъ была предметомъ любви Пушкина, и этой страсти русская литература обязана нѣсколькими прелестными стихотвореніями, таковы: „Я помню чудное мгновенье“, „Я ѣхалъ къ вамъ, живые сны“ и нѣк. др. Въ IV книгѣ Библіотеки для Чтенія за 1859 г. помѣщена чрезвычайно интересная статья А. П. Кернъ „Воспоминанія о Пушкинѣ“; въ ней приведено нѣсколько документовъ, а именно французскихъ писемъ Пушкина къ предмету его пылаго увлеченія. Жаль только, что письма эти приведены въ отрывкахъ; мы убѣдительно просимъ обладательницу ихъ сообщить эти документы дѣлькомъ: для нихъ настала, надѣмся, старина и они, казалось, могли бы быть напечатаны на страницахъ нашего изданія.

Въ статьяхъ, принадлежащихъ пишущему эти строки: „Прогулка въ Тригорское“ (напечатаны въ С.-Петербур. Вѣд. 1866 г. № 139,

146, 157, 164, 168 и 176) передано, между прочимъ, нѣсколько подробностей объ отношеніяхъ Пушкина къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ. Печатаемая нынѣ разсказъ г-жи Марковой-Виноградской (Кернъ), мы не позволили себѣ смягчить тотъ порывистый, полный неостывшаго увлеченія тонъ, которымъ звучитъ весь разсказъ; уже самъ по себѣ, помимо нѣкоторыхъ, хотя и мелкихъ, но небезынтересныхъ подробностей для обрисовки русскаго общества двадцатыхъ годовъ, самый этотъ тонъ разсказа нынѣ преклонныхъ лѣтъ представительницы тогдашняго общества весьма характеристиченъ.

Ред.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ГРАФА АРАКЧЕЕВА.

(Воспоминанія артиллеріи генераль-маіора Ник. Григор. Сигунова).

I.

Приѣхавъ въ Петербургъ, по смерти Екатерины, императоръ Павелъ тотчасъ же вытребовалъ къ себѣ изъ Гатчины полковника Аракчеева. Аракчеевъ, получивъ приказаніе, немедленно прискакалъ въ Петербургъ, какъ былъ, въ одномъ мундирѣ, не взявши съ собою рѣшительно никакихъ вещей и даже теплой одежды. При Екатеринѣ, офицеры Гатчинскаго отряда никогда не допускались въ Зимній дворецъ, и потому, не зная расположенія комнатъ, Аракчеевъ насилу отыскалъ императора. Павелъ принялъ его очень милостиво, тотчасъ же произвелъ въ генералы и назначилъ комендантомъ; наследникъ же престола, Александръ Павловичъ, назначенъ Петербургскимъ военнымъ генераль-губернаторомъ. Павелъ поставилъ ихъ рядомъ, соединилъ ихъ руки и сказалъ: «Будьте друзьями и помогайте мнѣ». Съ этого момента началась дружба Аракчеева съ будущимъ императоромъ. Не имѣя при себѣ даже перемѣны бѣлья, Аракчеевъ на слѣдующій день обратился къ своему новому другу и объяснилъ ему неудобство своего положенія. Александръ прислалъ ему собственную рубашку, которую Аракчеевъ сохранилъ во всю свою жизнь, и чрезъ 38 лѣтъ былъ въ ней похороненъ, согласно его завѣщанію. По смерти Александра I она лежала на столѣ въ бывшемъ кабинетѣ императора, въ грузинскомъ домѣ графа Аракчеева, въ сафьянномъ футлярѣ, и золотая тисненая надпись сообщала о днѣ, въ который она была подарена графу, и завѣщаніе Аракчеева: быть въ ней похороненнымъ.

II.

Вскорѣ по восшествіи на престолъ, императоръ Павелъ пожаловалъ Аракчееву и Архарову по 2500 душъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они сами выбрали себѣ помѣстья. Нѣсколько времени спустя, императоръ спросилъ Аракчеева: гдѣ онъ выбираетъ себѣ имѣніе? Аракчеевъ отвѣтилъ, что онъ очень благодаренъ императору за его милости, и приметъ имѣніе тамъ, гдѣ ему угодно будетъ назначить. Павелъ отвѣчалъ, что онъ говоритъ вздоръ, и прибавилъ: «Впрочемъ, Архаровъ выбралъ Грузино, а онъ промаху не дастъ; возьми ты себѣ Грузино, а онъ пусть поищетъ въ другомъ мѣстѣ». Въ томъ же 1796 году Аракчеевъ вступилъ во владѣніе Грузиномъ.

III.

Будучи восемью годами старше Александра I и притомъ тѣлосложенія и здоровья слабаго, Аракчеевъ никакъ не думалъ пережить его, и потому въ духовномъ завѣщаніи отозвалъ все свое состояніе государю. Послѣ 1825 года, онъ собирався измѣнить завѣщаніе и наслѣдникомъ своимъ хотѣлъ назначить Павла Васильевича Ильина, отецъ котораго былъ самымъ искреннимъ его другомъ. Въ 1821 году, Аракчеевъ выручилъ изъ большой бѣды Павла Васильевича, командовавшаго тогда 1-ю гвардейскую батарею ротю его императорскаго высочества. Въ Гатчинѣ, во время похода изъ Петербурга въ Вильну рота эта взбунтовалась. Я не знаю причины этого бунта; знаю только, что при усмиреніи его Ильинъ засѣлъ розгами до смерти фельдфебеля. Императоръ Александръ смотрѣлъ очень неблагоклонно на это дѣло, но Аракчеевъ сказалъ государю: «я нахожу, что Ильинъ не виноватъ; на его мѣстѣ я поступилъ бы точно такимъ же образомъ». Послѣ того Ильинъ долженъ былъ только выйти въ отставку.

Задумавъ назначить Ильина своимъ наслѣдникомъ, Аракчеевъ пригласилъ его поселиться въ Грузинѣ, гдѣ Ильинъ и жилъ въ теченіи двухъ лѣтъ между 1825 и 1830 годами.

Тяготясь повидимому этою жизнію, Ильинъ просилъ Аракчеева отпустить его для поступленія на государственную службу. Аракчеевъ согласился, и Ильинъ былъ сдѣланъ управляющимъ кронштадтскою таможеню. Въ Кронштадтѣ онъ женился на дѣ-

вицѣ Павловой и вмѣстѣ съ женою прибѣжалъ нѣсколько разъ въ Грузино. Въ послѣдній разъ они были въ февралѣ 1834 года, менѣе чѣмъ за два мѣсяца до смерти Аракчеева. При отъѣздѣ, Аракчеевъ провожалъ ихъ до Чудова, гдѣ всѣ они остановились въ моемъ домѣ. 28 февраля, на прощаньи Аракчеевъ сказалъ Ильину: «Дай Богъ, чтобы наше дѣло увѣнчалось успѣхомъ». Затѣмъ, около 10-го апрѣля Аракчеевъ заболѣлъ и 21-го умеръ отъ водяной въ груди, не успѣвъ привести въ исполненіе свою мысль. Ильинъ потомъ сильно претендовалъ на меня за то, что я не извѣстилъ его о болѣзни Аракчеева.

Въ разговорахъ со мною Аракчеевъ иногда упоминалъ, что онъ желалъ бы продать Грузино. Онъ думалъ устроить продажу его въ казну чрезъ друга своего, графа Канкрина, и собирався писать къ нему объ этомъ. Я однажды спросилъ у Аракчеева: во сколько же онъ цѣнитъ Грузино? На это онъ отвѣчалъ, что не отдастъ его дешевле, какъ за 10.000,000 руб. Послѣ продажи Грузина онъ хотѣлъ жить за границей. Аракчеевъ никогда не предполагалъ, чтобы императоръ Николай сдѣлалъ изъ его имущества употребленіе, увѣковѣчившее его имя въ потомствѣ. Если-бы онъ могъ этого ожидать, то, я убѣжденъ, никогда бы не подумалъ измѣнить свое завѣщаніе.

IV.

Новгородскій вадетскій корпусъ былъ основанъ по подпискѣ дворянъ Новгородской и Тверской губерній. Аракчеевъ пожертвовалъ 300,000 р., на проценты съ которыхъ должны были постоянно содержаться 12 воспитанниковъ. Государь приказалъ именоваться имъ Аракчеевскими и носить на погонахъ буквы «Г. А.» Открытіе корпуса послѣдовало въ мартѣ 1834 года въ присутствіи великаго князя Михаила Павловича; сначала ожидали даже приѣзда государя, но потомъ онъ былъ отмѣненъ. Аракчеевъ не считалъ удобнымъ уклониться отъ участія въ этой церемоніи открытія, но проѣздомъ чрезъ Чудово говорилъ мнѣ, что ему ужасно не хочется ѣхать. Онъ прибѣжалъ въ Новгородъ за день до открытія корпуса и ночевалъ въ Новгородѣ; слѣдующую ночь онъ провелъ въ Бронницахъ въ 9-ти верстахъ отъ корпуса, куда прибѣжалъ только утромъ въ самый день его открытія. Послѣ церемоніи онъ тотчасъ же отправился обратно,

причемъ въ Чудовѣ опять заѣзжалъ ко мнѣ, и былъ въ ужасно дурномъ расположеніи духа. Черезъ мѣсяць послѣ этого онъ умеръ. Деньги, вырученныя отъ продажи его движимаго имущества, вмѣстѣ съ оставшимися послѣ его смерти деньгами, составили капиталъ въ 2¹/₂ м. руб. Наслѣдникомъ всего имѣнія, согласно завѣщанію, былъ царствовавшій императоръ Николай, пожертвовавшій все это въ пользу Новгородскаго корпуса съ тѣмъ, чтобы онъ именовался корпусомъ графа Аракчеева, имя котораго, въ случаѣ преобразования корпуса въ какое-либо иное заведеніе, должно быть перенесено и на это заведеніе.

V.

Русскій воинъ, упомянутый въ описаніи памятника Александру Благословенному въ Грузинѣ, подлѣ котораго стоитъ щитъ съ гербомъ и девизомъ подданнаго слуги, есть не кто иной, какъ самъ Аракчеевъ. Бронзовыхъ крестовъ, подобныхъ надѣтому на русскаго воина, роздано народу было 3000. Для дамъ было 40 позолоченныхъ крестовъ. Кромѣ того, три креста были золотые, украшенные брильянтами. Одинъ изъ нихъ былъ подаренъ архіерею, освящавшему памятникъ, другой протоіерею Грузинскаго собора — Малиновскому, третій же, въ футлярѣ, былъ положенъ въ кабинетъ императора Александра, возлѣ его рубашки, съ золотою тисненою надписью, сообщавшею о томъ, что онъ будетъ принадлежать женѣ владѣльца Грузино, которая должна надѣвать этотъ крестъ ежегодно: 29 іюня, 30 августа и 30 ноября. Столъ, на которомъ лежали рубашка и крестъ, былъ очень замѣчательнъ. Онъ имѣлъ въ длину аршина 3, въ ширину полтора и раздѣленъ былъ на два квадратные ящика подъ стекляною крышею, открывавшеюся къ верху. На этой-то стеклянной крышѣ и лежали крестъ и рубашка, ящики же заключали въ себѣ письма императора Александра къ Аракчееву и важнѣйшіе документы, относящіеся къ его царствованію. Бумаги эти, уложенныя очень плотно, занимали въ вышину вершковъ шесть. Говорили, что Аракчеевъ, во время своего путешествія по смерти Александра, напечаталъ за границей часть этихъ бумагъ, за чтѣмъ на него были недовольны въ Россіи. Впрочемъ, отъ самого графа я ничего не слыхалъ объ этомъ предметѣ. Онъ говорилъ мнѣ только, что сохраняетъ даже всѣ письма,

полученныя имъ въ теченіи всей его жизни отъ кого бы то ни было, но гдѣ онѣ лежали, я не знаю. Онѣ мнѣ показывалъ однажды печатный экземпляръ приказа, даннаго послѣ взятія Парижа, которымъ онѣ и Барклай-де-Толли производятся въ фельдмаршалы. Остальные экземпляры этого приказа были тогда же уничтожены. По смерти Аракчеева всѣ его бумаги забралъ съ собою графъ Клейнмихель. Аракчеевъ предполагалъ при памятникѣ устроить домъ для инвалидовъ, но не успѣлъ исполнить этого намѣренія.

VI.

Когда послѣ Тильзитскаго мира гвардія вернулась изъ похода, то особенно плохи были лошади въ лейбъ-гвардіи уланскомъ полку. Командиръ его, Чаликовъ, былъ очень любимъ Константиномъ Павловичемъ. Великій князь выхлопоталъ у государя единовременную выдачу 100 т. рублей на улучшеніе лошадей и прочаго въ полку. Аракчеевъ, бывший тогда военнымъ министромъ, представилъ государю, что финансы наши и безъ того разстроены, выдача же денегъ одному только полку будетъ несправедливостью относительно другихъ, и государь отмѣнилъ эту выдачу. Великій князь Константинъ Павловичъ, узнавши объ этомъ, ужасно разсердился и тотчасъ же бросился къ Аракчееву. Аракчеевъ увидѣлъ его подѣвзающимъ изъ окна и, понявши въ чемъ дѣло, вышелъ изъ дому съ задняго крыльца и поѣхалъ во дворецъ. Великій князь поѣхалъ въ догонку и, настигнувъ Аракчеева во дворцѣ, побранилъ его. Аракчеевъ въ слезахъ бросился къ государю къ жалобой на великаго князя и просилъ уволить его отъ занятій дѣлами. Насилу государю удалось уговорить Аракчеева остаться военнымъ министромъ и, чтобы дать ему хоть нѣкоторое удовлетвореніе, Ростовскій пѣхотный полкъ былъ названъ полкомъ графа Аракчеева. Этотъ случай разсказанъ мнѣ бывшимъ адъютантомъ Аракчеева, Петромъ Яковлевичемъ Перреномъ. Аракчеевъ самъ вообще никогда не разсказывалъ про свои неприятности или неудачи.

Сообщ. М. И. Богдановичъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ

въ 1825 и 1826 гг.

I.

Разсказъ сенатора И. Д. Данилова *).

Когда императоръ Александръ былъ боленъ въ Таганрогѣ, къ великому князю ежедневно привозили фельдъегери донесенія о состояннн государя. По полученнн извѣстнн о кончинѣ, великнй князь собралъ къ себѣ своихъ приближенныхъ, сообщилъ имъ со слезами эту вѣсть и объявилъ имъ, что хотя окружающне покойнаго государя признали великаго князя императоромъ, и князь Волконскнй и баронъ Дибичъ съ прочими находившимися тогда въ Таганрогѣ прислали къ нему присяжные листы, но онъ, великнй князь, возвращаетъ имъ оные, ибо отрывается отъ престола, сохраняя свято и по чести данное покойному императору обязательство. При этомъ случаѣ онъ вынулъ изъ бюро бумагу и, давая читать ее Николаю Николаевичу Новосильцову, сказалъ, что такъ какъ Новосильцовъ долго находился при покойномъ государѣ, то хорошо знаетъ его почеркъ. Тутъ великнй князь разсказывалъ, что онъ хотѣлъ жениться на княжнѣ Четвертинской, но матушка и братъ не позволили; . . . . . ; наконецъ, когда просилъ позволеннн вступить въ бракъ съ княжною Ловичъ, то оное получилъ, но не иначе, какъ давъ отреченне отъ престола». Надобно было составить это отреченне. Великнй князь не зналъ какъ его написать. Императоръ Александръ сказалъ ему, чтобъ изложилъ свою мысль какъ можетъ. Великнй князь написалъ и велѣлъ перебѣлнть. Императоръ Александръ собственноручно исправилъ приписками между строкаъ и по бокамъ и помарками. На-бѣло переписалъ князь Александръ Николаевичъ Голицынъ въ кабинетѣ государя. Великнй князь, подписавши переписанное, черновое взялъ къ себѣ. Великнй князь былъ увѣренъ, что объ этомъ актѣ никто не знаетъ кромѣ его, государя Александра, императрицы Марнн Фѣдоровны и Голицына.. Полагалъ однако, что императрица-

*) Сенаторъ Иванъ Даниловичъ Даниловъ находился при цесаревичѣ съ 1801 года до самой его кончины и нѣсколько лѣтъ управлялъ военно-походною канцелярнєю великаго князя.
А. В.

мать сообщила это и великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ, любя ее особенно. Итакъ, когда великій князь, не принявъ присяги, написалъ къ великому князю Николаю Павловичу, какъ императору, сказавъ ему, что будетъ служить ему вѣрно въ тѣхъ же должностяхъ, какія имѣлъ при Александрѣ; а если это императору Николаю не угодно, то онъ, великій князь, желаетъ навсегда остаться частнымъ человѣкомъ и основать пребываніе свое въ Лазенкахъ, — императоръ Николай предоставилъ великому князю всѣ прежнія должности.

. . . . . Не извѣстно, былъ ли великій князь Константинъ Павловичъ приглашенъ въ Москву на коронацію императора Николая. Но онъ рѣшилъ туда ѣхать неожиданно. Былъ въ пути 5 дней; на станціяхъ ѣдущихъ изъ Москвы приказалъ разспрашивать, была ли уже коронація или нѣтъ? При вѣздѣ въ Москву великій князь, оставя Данилова и прочихъ спутниковъ своихъ въ ихъ экипажахъ у заставы Смоленской, самъ отправился прямо въ Кремль. Императоръ Николай былъ тогда въ Кремлевскомъ дворцѣ и занимался въ кабинетѣ бумагами. Великій князь Константинъ Павловичъ вошелъ въ ближнюю комнату и велѣлъ доложить о себѣ. Государю сказали о великомъ князѣ, не именуя его. Государь полагалъ, что это великій князь Михаилъ Павловичъ и велѣлъ ему подождать. Нѣсколько прошло минутъ, какъ кто-то изъ камердинеровъ доложилъ государю, что это не Михаилъ Павловичъ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ. Тогда государь опрометью кинулся на встрѣчу и въ объятія брата, и оба поѣхали къ императрицѣ-матери, которая тогда жила на дачѣ....

Сообщ. А. Ф. Вычшовъ.

II.

Разсказъ адмирала Колчакова.

Въ разсказѣ сенатора И. Д. Данилова о цесаревичѣ Константинѣ Павловичѣ 1826 г., сказано, между прочимъ, что, по полученіи извѣстія о кончинѣ государя Александра Павловича, великій князь созвалъ въ Варшавѣ всѣхъ своихъ приближенныхъ и сообщивъ имъ со слезами эту вѣсть, объявилъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и о своемъ отреченіи отъ престола. Помня раз-

сказъ отца моего¹⁾, бывшаго очевидцемъ этого происшествія, я считаю долгомъ пополнить воспоминаніе Данилова нѣкоторыми подробностями, вѣроятно упущенными имъ изъ вида, потому ли только, что онъ о нихъ забылъ, рассказывая о событіи 1826 г. въ позднѣйшее уже время, или что онъ не считалъ ихъ достаточно важными, дабы о нихъ упоминать.

Вотъ въ чемъ дѣло.

Цесаревичъ, по полученіи съ фельдъегеремъ перваго извѣстія о кончинѣ императора Александра I-го²⁾, дѣйствительно созвалъ на другой день своихъ приближенныхъ, но не всѣхъ, и объявилъ имъ объ этомъ горестномъ событіи, ничего не сказавъ имъ притомъ о своемъ отреченіи;—только нѣсколько времени спустя, пова у него велась переписка съ Петербургомъ, съѣхались, по его приказанію, всѣ служащіе при немъ, въ Бриловскій дворецъ и онъ имъ объявилъ уже офиціально о кончинѣ государя, а потомъ и о своемъ отреченіи, какъ изложено въ рассказѣ Данилова. Это обстоятельство основываю я на слѣдующемъ рассказѣ моего отца, подтвержденномъ и другими свидѣтелями.

Въ тотъ день, когда получено было извѣстіе о кончинѣ государя, въ Варшавѣ находился братъ его в. к. Михайлъ Павловичъ³⁾. Оба великіе князя провели всю эту ночь въ слезахъ и молитвѣ, а въ утру велик. кн. Константинъ созвалъ къ себѣ однихъ только самыхъ близкихъ въ нему довѣренныхъ лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и мой отецъ⁴⁾.

Выйдя съ заплаканными глазами изъ кабинета своего, объявилъ онъ имъ о горестномъ событіи, постигшемъ его и всю Россію.—Онъ говорилъ съ большимъ чувствомъ, утирая безпрестанно платкомъ катившіяся слезы, и съ возрастающимъ волненіемъ повторялъ:

¹⁾ Павелъ Андреевичъ Колзакъ, впоследствии генералъ-адъютантъ, адмиралъ. См. «Русскую Старину» стр. 137—138.

²⁾ Это извѣстіе получено было имъ 25 ноября 1825 г. въ семь часовъ вечера.

³⁾ При великомъ князѣ Михайлѣ находился приѣхавшій съ нимъ въ Варшаву адъютантъ его полковникъ Илья Гавриловичъ Бибииковъ, впоследствии генералъ-адъютантъ, военный генералъ-губер. виленскій и пр. губерній.

⁴⁾ Событіе это происходило 26 ноября 1825 г.

— «Нашъ ангелъ отлетѣлъ, я потерялъ въ немъ друга, благодѣтеля, а Россія отца своего»... и т. п.

Наконецъ, увлекаясь постепенно, цесаревичъ прибавилъ:

— «Кто насъ поведетъ теперь къ побѣдамъ, — гдѣ нашъ вождь!... Россія осиротѣла, — Россія пропала!» Затѣмъ, закрывъ лицо платкомъ, Константинъ Павловичъ предался на нѣсколько минутъ величайшему горю. Всѣ присутствующіе молчали, стоя съ понижшими головами; въ это самое время отецъ мой видя, что никто не рѣшается привѣтствовать новаго государя и не зная ничего объ отреченіи его отъ престола, рѣшился, выступивъ изъ среды другихъ, сказать:

«Ваше Императорское Величество, Россія не пропала... а привѣтствуетъ...» но не успѣлъ онъ докончить свою фразу, какъ великій князь, весь вспыхнувъ, бросился на него и схвативъ его за грудь, съ гнѣвомъ вскрикнулъ:

«Да замолчите ли вы!... Какъ вы осмѣлились выговорить эти слова!.. кто вамъ далъ право предрѣшать дѣла до васъ не касающіяся?.. вы знаете ли чему вы подвергаетесь?... Знаете ли, что за это въ Сибирь и въ вандалы сажаютъ?! извольте идти сейчасъ подъ арестъ и отдайте вашу шпагу....»

Изумленный, не зная что и подумать, молча отдалъ отецъ мой свою шпагу гр. Курутѣ, тутъ же бывшему, и удалился во флигель дворца, въ комнаты занимаемыя этимъ генераломъ.... Полчаса спустя вошли туда вмѣстѣ съ Курутой и прочіе присутствовавшіе при этой сценѣ—и стали упрекать отца моего за его выходку. «Что тебѣ вздумалось—говорили они ему — подавать голосъ въ такую минуту? ты вотъ ушелъ, а послушалъ бы что намъ-то досталось?—Насъ в. к. упрекалъ въ совершенномъ безчувствіи: «У васъ и сердца нѣтъ» говорилъ намъ великій князь: «вся ваша ко мнѣ преданность одна маска! вы бы желали меня видѣть на престолѣ только изъ личныхъ видовъ, все ваше мнимое усердіе—одинъ расчетъ, вы только служите изъ-за крестичекъ и ленточекъ» и тому подобное.... Курута также присоединилъ свою нотацію, и пискливымъ голоскомъ своимъ сказалъ:

— «Монъ серъ, я не понимаю, какъ вы не знаете до сихъ поръ великаго князя, а еще такъ долго при немъ находитесь.... Вамъ извѣстно, что его высочество не любитъ, когда его пербиваютъ; что же это за выходка такая въ самомъ дѣлѣ?»

«Да помилюте, Дмитрій Дмитріевичъ, — отозвался мой отецъ, — я ждалъ, чтобы кто-нибудь изъ васъ его привѣтствовалъ какъ государя, но всѣ молчали; наконецъ мнѣ больно было видѣть его отчаяніе и грусть, я хотѣлъ отвлечь его на время отъ его горести, ободрить его тѣмъ, что Россія не пропала....»

— «Да какое вамъ, монъ серъ, дѣло до этого, — возражалъ Курута — Россія пропала... ну, Христось съ ней, пропала!.. на словахъ все можно сказать, но къ чему тутъ было возражать!..»

Признаюсь, несмотря на взволнованное состояніе, въ которомъ я тогда находился, рассказывалъ отецъ мой, я не могъ вытерпѣть, чтобы не расхотѣться вмѣстѣ съ прочими; — хитрый грекъ самъ засмѣялся и наконецъ прибавилъ: «Вотъ вамъ, монъ серъ, ваша шпага, — которую великій князь приказалъ вамъ возвратить — можете свободно отправиться домой» — съ этими словами онъ раскланялся и пошелъ провожать в. к. Михаила Павловича, который въ этотъ день уѣзжалъ въ Петербургъ.

Прошло около двухъ недѣль послѣ этого происшествія. Цесаревичъ во все это время не выѣзжалъ изъ Бриловскаго дворца и никого не принималъ, занимаясь исключительно перепискою съ Петербургомъ; только нѣкоторые изъ его свиты посвящены были въ тайну — и съ нимъ дѣятельно работали. Въ этомъ числѣ были, сколько припомню, Курута, Н. Н. Новосильцевъ, Жандръ, баронъ Моренгеймъ (управлявшій дипломатическою частью, большой дѣлецъ), Даниловъ и, кажется, Кривцовъ, прочіе же ничего не знали о томъ что дѣлается.

Между тѣмъ, въ Варшавѣ, вѣсть о смерти государя уже разнеслась повсюду. Движеніе въ городѣ сдѣлалось необычайное *). Всѣ знатнѣйшіе чины двора, военные и гражданскіе —

*) Въ Варшаву къ велик. кн. или императору одни за другими скакали изъ разныхъ концовъ Россіи вѣстники съ донесеніями: в. к. Николай Павловичъ отправилъ адъютанта своего Лазарева, и въ тотъ же день послалъ въ Варшаву бывшаго адъютанта и самаго сердечнаго, неизмѣннаго друга цесаревича Конст. Пав. — Федора Петровича Опочинина. Министръ юстиціи отправилъ состояншаго за оберъ-прокурорскимъ столомъ Никитина, весьма худо принятаго велик. княземъ. Военный министръ гр. Татищевъ — своего адъютанта Андрея Сабурова, впоследствии директора театра. Князь Дмитр. Влад. Голицынъ, москов. воен. генер. губер., своего адъютанта ротмистра Павла Демидова и т. д. Изъ посланцевъ находчивостью отличился Андрей Сабуровъ. Прежде чѣмъ предстать предъ в. к. Константиномъ Павловичемъ, онъ свѣдалъ отъ камердинера, что в. к. крайне гнѣвается на тѣхъ

войско и духовенство, русское и польское готовились къ присягѣ и ждали только приказаній. Весь городъ былъ на ногахъ—къ Бриловскому дворцу подъѣзжали отовсюду гонцы, адъютанты, наконецъ и сами начальники за приказаніями и за новостями, но приему не было. Великій князь сказанъ нездоровымъ—и одинъ и тотъ же отвѣтъ все получался: «приказанія въ свое время будутъ объявлены, а покуда все остается по прежнему». Любопытство дошло до-нелзя. — Подъѣздъ гр. Куруты былъ формально осаждаемъ толпою служащихъ лицъ русскихъ и польскихъ. Но онъ также не принималъ никого и грубый лакей, бывший у него постоянно въ сѣняхъ, все отвѣчалъ на одинъ и тотъ же ладъ: «Графъ спитъ, или графа дома нѣтъ», не вдаваясь ни въ какіе разговоры, несмотря на предлагаемые ему часто злотуеи.... На третій день подъѣхалъ къ нему даже самъ намѣстникъ, старичекъ гр. Зайончекъ въ парадномъ мундирѣ и лентѣ и узнавъ, что графъ спитъ,—велѣлъ его разбудить, потому что весь государственный совѣтъ и сенатъ уже собрались въ парадныхъ мундирахъ и въ полномъ комплектѣ въ ожиданіи присяги, но и тутъ добиться онъ ничего не могъ—Курута ушелъ заднимъ ходомъ къ в. вн. и не показывался.

Вся Варшава переполошилась. Всѣ были какъ въ лихорадкѣ. Стали другъ ко другу разъѣзжать за новостями, много было толковъ, предположеній, заискиваній у болѣе вліятельныхъ; дамское общество въ особенности было въ большой тревогѣ, и кто только имѣлъ какую-нибудь лазейку въ Бриловскомъ дворцѣ, тотъ ею пользовался. — Подъѣзжали съ разныхъ сторонъ и къ княгинѣ Ловичъ—къ ея родственникамъ, допытывались даже у камеръ-юнгферы и у горничныхъ, но ничто не помогало.—Какъ римскій викарь до избранія новаго папы—такъ и Бриловскій дворецъ былъ нѣмъ и не высказывался, пока наконецъ послѣ

кто титулуетъ его — императорскимъ величествомъ; Сабурову однако не хотѣлось именовать Константина Павловича—высочествомъ, такъ такъ онъ еще не могъ знать, чѣмъ окончится все это событіе. И вотъ Сабуровъ во все время разговора съ в. к. ни разу не назвалъ его ни высочествомъ, ни величествомъ, а подавая в. к. пакетъ, на вопросъ Константина Павловича: «къ кому этотъ пакетъ?»—только тыкалъ пальцемъ на адресъ и невнятно бормоталъ: «къ Вашем... ..ству!» Константинъ Павловичъ обратилъ на это вниманіе и впоследствии шутилъ надъ находчивостью Сабурова. Ред.

долгихъ ожиданій истина не разъяснилась и великій князь объявилъ о своемъ отреченіи, какъ изложено въ разсказѣ Данилова.

Въ тотъ самый день, когда уже стали всѣ расходиться изъ Бриловскаго дворца — в. кн., увидѣвъ отца моего въ числѣ прочихъ, сказалъ ему: «Павель Андреевичъ, останься». Затѣмъ проведя его въ свой кабинетъ:

«Ну что», спросилъ онъ его: «слышалъ ли ты, и понимаешь ли теперь?»

«Слышалъ, ваше императорское высочество», отвѣчалъ мой отецъ.

— «Ага!.. ну скажи же мнѣ теперь, по совѣсти, правъ ли я былъ или нѣтъ?»

«Ваше императорское высочество, не мнѣ судить объ этихъ дѣлахъ—эта была ваша воля» *).

Затѣмъ послѣдовало довольно долгое объясненіе, въ которомъ в. кн. весьма откровенно высказывалъ всѣ причины, побудившія его къ отреченію; подъ конецъ онъ былъ очень разстроганъ и, какъ бы желая загладить прежнюю свою вспыльчивость, онъ взялъ отца моего за уши обѣими руками (обыкновенный его пріемъ, когда онъ былъ въ духѣ) и притянувъ моего отца къ себѣ, сталъ цѣловать его въ лицо, ласково приговаривая:

— «Надѣюсь, ты на меня не сердись; въ старое помянуть, тому глазъ вонъ. — Я знаю тебя давно — ты мнѣ душею преданъ, сохрани мнѣ это чувство до конца, и будь увѣренъ, я съ умѣю всегда цѣнить это, вотъ тебѣ моя рука!..»

Отецъ впоследствии разсказывалъ, что онъ былъ самъ такъ взволнованъ въ эту минуту, что ничего не могъ выговорить; слезы у него такъ и катились изъ глазъ.

Разсказъ этотъ дошелъ впоследствии до свѣдѣнія покойнаго государя императора Николая Павловича; при первой затѣмъ встрѣчѣ съ отцемъ моимъ, государь попросилъ его передать ему всѣ подробности этого эпизода и съ живѣйшимъ любопытствомъ выслушалъ то; чѣмъ мы, въ свою очередь, въ настоящей замяткѣ, сочли не безынтереснымъ подѣлиться съ читателями «Русской Старины».

*) Велик. князь повторилъ однакожъ свой вопросъ,—но когда узналъ онъ, что отецъ мой въ то время не былъ посвященъ въ тайну его, то изъявилъ сожалѣніе о своей горячности.

Чувство глубокой преданности къ своему благодѣтелю Константину Павловичу сохранилъ отецъ мой до конца—и довѣрие къ нему в. в. также неизмѣнилось. — Во всѣхъ счастливыхъ и горестныхъ минутахъ жизни цесаревича—отецъ мой всегда его сопровождалъ; такъ, напр., онъ былъ одинъ изъ немногихъ свидѣтелей вѣнчанія цесаревича съ княгиней Ловичъ;—ему одному поручилъ в. в. жену свою въ страшную ночь революціи въ Варшавѣ;—онъ былъ постоянно при ней въ Бѣлостокѣ и Витебскѣ и ему одному пришлось закрыть глаза своему благодѣтелю въ Витебскѣ въ день внезапной его кончины, и привести тѣло его въ Петербургъ.—Память о немъ сохранялъ отецъ мой свято и послѣ смерти велик. князя—и до самой своей кончины не пропускалъ онъ случая, каждый разъ, въ день рожденія и въ день кончины своего благодѣтеля и могу сказать друга, чтобы не поклониться праху его въ Петропавловскомъ соборѣ.

Разсказы и воспоминанія отца моего объ отношеніяхъ его къ цесаревичу Константину Павловичу, и о событіяхъ, сопровождавшихъ кровавые дни польской революціи 1830—1831 гг. я надѣюсь постепенно представить на страницахъ «Русской Старины».

Е. П. Колчаговъ.

ЗАПИСКИ М. А. ВЕСТУЖЕВА.

I.

Братья Вестужевы *).

Насъ было пять братьевъ и всѣ пятеро погибли въ крушеніи 14 декабря 1825 года. Посвящу нѣсколько строкъ для біографической замѣтки о каждомъ изъ насъ.

*) Пять братьевъ Вестужевыхъ принадлежали къ числу образованнѣйшихъ молодыхъ людей въ эпоху 14 декабря 1825 года. Двое старшихъ изъ нихъ были весьма извѣстными дѣятелями въ области литературы, третій—уже давній служака въ военной службѣ, — былъ необыкновенно любимъ товарищами и солдатами. Всѣ пятеро были сыновья статскаго совѣтника Александра Федосѣевича Вестужева (р. 1762 † 1810 г.), издававшего въ 1798 году «Санктпетербургскій журналъ» и составившаго нѣсколько книгъ по части воспитанія. Сыновья его: Николай род. 13 апрѣля 1791 г. ум. 15 мая 1855 г. въ Селенгинскѣ; Александръ (Марлинскій) род. 23 октября 1797 г. уб. на Кавказѣ 7 іюля 1837 г.; Михаилъ — род. 22 сентября 1800 г.; Петръ род. въ 1806 г. ум. 1840 г. и Павелъ род. въ 1808 г., ум. 1846 г. Ред.